

Фантастические миры

Константин Калбазов

РЫЩАРЬ

Кроусмарш

Рыцарь

Константин Калбазов

Рыцарь. Кроусмарш

«Автор»

2012

Калбазов К. Г.

Рыцарь. Кроусмарш / К. Г. Калбазов — «Автор»,
2012 — (Рыцарь)

ISBN 978-5-9922-1101-6

Странный мир Средневековья, который местные жители вполне серьезно называют Царством Небесным. Правда, люди не являются его хозяевами, они здесь всего лишь незваные гости. И Андрей Новак, пенсионер МВД, по странной прихоти судьбы оказавшийся в этом мире, теперь уже знает это точно. За необъятной степью, населенной дикими орочьими племенами, затаилась могучая империя, взирающая на людские земли алчным взором, готовая наброситься на них, как хищник на добычу. Наш герой не считает себя обязанным спасать соплеменников, он не считает себя мессией, призванным вершить их судьбы, он просто хочет выжить, но в одиночку ему не выстоять. Встать в единый строй со всеми? Есть куда более умелые воины, чем он. Но он может выковать оружие, способное склонить чашу весов в сторону людей. Для этого ему нужно совсем немного: время и возможность работать. Но даже за эту малость ему предстоит сражаться на грани человеческих сил.

ISBN 978-5-9922-1101-6

© Калбазов К. Г., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Константин Калбазов

Рыцарь. Кроусмарш

Глава 1

Покупка. Брат Адам

Кроусмарш. При первом упоминании Эндрю об этом месте Андрей Новак просто воспринял эту информацию, только изобразив свою заинтересованность. Когда инквизиция обратила свой взор в его сторону, он рассматривал Кроусмарш как одно из мест, где он сможет избежать пристального внимания со стороны святош, – останавливал тот факт, что место было далеко не безопасным. Но после последнего рейда по степи он уже стал более детально обдумывать возможность поселиться в этом опасном краю.

Андрей вдруг понял, что безопасных мест в этом мире для него просто не существует, и если он и обретет спокойный тихий уголок, то ему придется создать его самому. Он был чужим в этом мире, где царил Средневековье и свирепствовала инквизиция. Здесь можно было погибнуть от рук злобных людоедов-орков, хотя с последним можно было и поспорить, так как годичная служба на границе со степью научила его тому, что не все орки одинаковы. Можно было оказаться убитым разбойниками, прельстившимися твоим кошельком или одеждой. Нарваться на неприятности в лице рыцаря, которому показалось, что слишком дерзко себя ведешь. Оказаться под судом инквизиции, обвинившей тебя в еретичестве.

Этот мир – мир Средневековья, где время, казалось, застыло навеки. Люди не были его хозяевами. Настоящими владыками его были орки, человек же здесь появился только восемьсот тридцать два года назад, когда падре Иоанн привел сюда беженцев из захваченного Саладином Иерусалима. Андрей же, бывший пенсионер МВД, появился здесь только около трех лет назад. Почему бывший? А какой он пенсионер, если не получает пенсии, и мало того – на матушке-Земле его, скорее всего, уже похоронили, а уж из списков пенсионеров вычеркнули и подавно. Так что самый настоящий бывший, и никак иначе. Удар молнии перевернул всю его жизнь и заставил начать новую, обеспечив его небывалыми регенеративными способностями, абсолютной памятью и немислимой удачливостью. Впрочем, с последним можно было поспорить: все же удача – это несколько иная плоскость, – многие всерьез поговаривали о том, что сам Господь ведет Новака по жизни и управляет его рукой. Может, и так – уж больно много всего необычного приключилось с ним за это время.

Конечно, можно было жить и не высовываться, чтобы не навлечь на себя неприятностей в лице инквизиции. Он в принципе так и хотел поступить, но так уж сложилось, что незнание всех реалий этого мира влекло одну ошибку за другой. В его планы вовсе не входило совершать здесь революцию. Не нужно ему это. Он хотел просто спокойной и желательной безбедной жизни. Все получалось само собой.

Не мог он смириться с тем, что здесь не приняты были омовения, так как считалось грехом проявлять чрезмерную заботу о плоти. А что прикажете делать, если ты не привык ходить грязным и покрываться коростой, что здесь даже поощрялось! Вот и появилась в новом поселке, который он построил, банька. За ним потянулись остальные, и бани стали непременным атрибутом всех подворий в поселке.

Понадобилось большое количество досок для строительства домов. Господи, да какие проблемы! Немного мучений, приложили руки там, где надо, – пожалуйста вам, готовая пиломатериалы.

Нужно проделать в доске или в металле отверстие? Зачем раскалять прут и прожигать дырку. Зачем раскалять заготовку и пробивать ее пробоем. Есть способ более быстрый и удобный: вот вам и ручная дрель появилась.

Наточить инструмент, а для этого не час сидеть и елозить бруском – есть способ более эффективный: точильный станок с ножным приводом.

И так во всем. Ну не хотел он привлекать к себе внимания или рушить веками устоявшегося порядка – это получалось без его желания: он просто стремился немного облегчить свою жизнь и жизнь окружающих его людей. А как результат им заинтересовалась инквизиция, ибо Господь заповедовал чадам своим в тяжком труде добывать хлеб насущный, а все, что несет облегчение этого труда, – от лукавого.

Спасаясь от преследования инквизиции, он принял епитимью в виде годичной службы на опасной границе со степными орками. После этой службы Андрей намеревался окончательно влиться в нынешнее общество и больше не высовываться, прожив свой век со своей семьей, которая у него появилась. Но и тут не все слава богу. Как выяснилось, орки – не просто дикое племя: на юге, за бескрайними степными просторами, есть ГОСУДАРСТВА орков, имеющие тысячелетнюю историю, которые в настоящий момент практически уже объединены в одну империю, которая вот-вот может обрушиться на людей.

Последние события показали ему всю несбыточность его надежд на спокойное существование. Если он будет жить обычной жизнью и не пытаться ничего предпринять, то вскоре придут орки и все кончится. Поступи он так – и тогда уподобился бы страусу, прячущему голову в песок, что не более как иллюзия безопасности: голова-то будет укрыта, но все остальное останется снаружи. Начни вводить новшества – и инквизиция спровадит его на костер. Ситуация патовая. А раз нельзя выиграть партию, придерживаясь общих правил, то придется эти правила менять.

По его просьбе Эндрю раздобыл детальную карту Кроусмарша. Конечно, карта была больше похожа на план, составленный ребенком, но, судя по всему, Кроусмарш прекрасно подходил для исполнения задуманного. А именно – там можно было уединиться и попытаться создать то, что сможет стать козырем в борьбе с нависшей угрозой со стороны Южной империи, или, как он теперь знал, Закурта.

Конечно, все это было весьма трудно осуществимым, но и утопией это намерение назвать нельзя. Для того чтобы отгородиться со стороны орков, достаточно было возвести сильный замок. Та еще задачка в условиях, когда орки столь ревностно пекутся о единственном проходе с берега Яны на десятки миль вокруг. Люди уже не раз пытались поставить там крепость, но всякий раз это заканчивалось большим набегом и полным уничтожением того, что они успели построить. Наличие маленького форта орков вполне устраивало. Люди больше не пытались возвести там укрепления, орки форта не трогали.

Казалось бы, абсурдная ситуация, но все имеет свое объяснение. Удерживать Кроусмарш ни одно племя орков не могло, но и позволить себе лишиться удобной лазейки для набегов тоже не входило в их планы. Форт, конечно, был помехой, но орки умели быть незаметными, так что, дождавшись темной ночи, небольшие отряды скрытно проникали мимо гарнизона и умудрялись так же скрытно уйти с добычей. Иногда их обнаруживали и обстреливали из луков и арбалетов, орки несли какие-то потери, но за все нужно платить – и в целом пользоваться лазейкой было выгодно. Вот такой вот своеобразный статус-кво.

Кроусмарш принадлежал сэру Свенсону, маркграфу Йоркскому, позиции которого были весьма сильны, но только укрепление региона была чисто его проблемой, в которую король не хотел никак вдаваться. Хотя, казалось бы, чего уж проще. Отправить в Йорк дружину, которая формально была Йоркской да и содержалась за счет маркграфства, считаясь по праву лучшим воинским подразделением королевства. С ее помощью граф накрепко перекрыл бы проход, и под ее прикрытием довольно быстро возвели бы укрепления, благо в строительных мате-

риалах, как было известно Андрею, недостатка не было. Однако король предпочитал только содержать эту дружину за счет маркграфства, но оказывать помощь не собирался, оставляя этот вопрос на откуп самого владельца. Тот же в свою очередь не имел в достаточной степени денежных средств для того, чтобы повернуть все самому, так как маркграфство считалось в выгодном положении относительно остальных и несло непомерную налоговую повинность. В общем, замкнутый круг, коего не удавалось разорвать уже не один десяток лет. Как следствие, Кроусмарш был абсолютно незаселенным, людей там не было, кроме гарнизона форта, разумеется.

Время, проведенное Андреем на границе со степью, не прошло для него бесполезно. Его отряд провел год в постоянных стычках с орками и был весьма удачлив, так что одной только добычи было взято предостаточно. Но не это главное. Пойдя на поводу своего друга и купца, Новак влез в авантюру с солью, и это принесло довольно ощутимый заработок. Он стал обладателем весьма солидной суммы, так что то, что было непосильной ношей для маркграфа, для Андрея теперь было вполне осуществимо. Трудно, опасно, дорого, но осуществимо.

– Папа, давай я все же заберу Ричарда.

– С чего бы это, – встрепенулся старик Вайли и вцепился во внука так, словно внучка собирались забрать у него навсегда. – Анна, я просил тебя оставить нас, нам нужно поговорить с зятем.

– Но...

– Ричард нам абсолютно не мешает. К тому же он тоже мужчина, и наши разговоры ему полезны, а вот женщин мы попросили удалиться.

– Да какой он мужчина, – улыбаясь, попробовала возразить отцу Анна.

– Ну уж не женщина, это точно. Все, уходи. Ричард, маленькая бестия, я тоже тебе не чужой... – Маленький Ричард увидев мать, стал усиленно рваться из рук старика и потянулся к ней, а ввиду того что цепкие руки деда и не думали передавать его ей, он воспользовался своим единственно пока доступным оружием – и кабинет мэтра Вайли огласился детским плачем. – Вот видишь, что ты наделала.

– Мэтр, отдайте вы его, – встал на сторону жены Андрей.

– И ты туда же?

– Просто он теперь не успокоится, по своему опыту знаю.

– Вот еще. Все, Анна, уходи. Дай нам наконец поговорить.

Скользнув обеспокоенным взглядом по отцу и сыну, она посмотрела на мужа, тот в свою очередь ободряюще улыбнулся и показал, чтобы она ушла. Безнадежно махнув рукой на столь махровый мужской шовинизм, она вышла из кабинета.

Беседа прервалась, и, как думал Андрей, надолго. Уж он-то успел узнать своего сына довольно хорошо. Малец отличался завидным упрямством и всегда добивался своего. Но недаром говорят, что деды и бабки – это другая ипостась, и они подчас лучше родителей способны поладить с внуками: возможно, дети просто чувствуют, что те не пытаются их воспитывать, а просто любят. Вот и Ричард сначала вредничал и все пытался вывернуться из рук деда, но совсем скоро успокоился и начал сосредоточенно копать в дедовой бороде, тот же в свою очередь озарился счастливой улыбкой.

– Не думаю, что это хорошая идея, и тем паче хорошее вложение денег, – продолжил прерванный разговор брат Анны Рем. – Ты можешь получить надел на юге, и это будет куда безопаснее, чем Кроусмарш. Можешь купить землю в центральных областях, потратив такую же сумму, которая понадобится тебе для того, чтобы поднять Кроусмарш. В конце концов, за куда меньшие деньги маркграф может уступить тебе Новак. Село уже обустроено, поля возделаны. Анна прожила там уже два года, и ей там нравится. Зачем все менять?

– Ты рассуждаешь сегодняшним днем, Рем. А я смотрю в перспективу.

– Хороша перспектива – оказаться в орочьем котле, – хмыкнул Рем.

– Ну в котел нас нужно будет еще засунуть, а я не намерен этого допускать. Это во-первых. Во-вторых, земли там так много, что я вполне смогу основать графство и сам стать графом.

– А баронами посадишь своих людей?

– Именно. Бои нам предстоят жаркие, так что у них будут все шансы обзавестись оро-чыми браслетами и получить рыцарскую цепь. Я же за верную службу одарю их землей.

– Отец! Ты-то чего молчишь?!

– Я пока слушаю, – в очередной раз улыбнувшись внуку, проговорил старик.

– Эндрю, а ты?

– А что я, – развел купец руками. – Я сам подсказал в свое время эту идею Андрэ. И, в отличие от тебя, не считаю ее глупой.

– Думаешь о том, сколько сможешь заработать: ведь у тебя будет приоритет на землях твоего друга?

– Вот только не надо. Я, конечно, купец, но о каких особых выгодах ты говоришь, если там и народу-то нет?

– Но, если удастся то, что задумал мой зять, – люди в скором времени появятся. Земли там и впрямь хороши, и их много.

– Я тоже так думаю, – улыбнулся Белтон. – Вот тогда-то и можно будет подумать о при-былях. А пока я ссуживаю Андрэ деньгами, причем без каких-либо процентов. Хотя у него и своих денег хватает, но слишком много денег не бывает. А ты-то чего взъерился? Тебя-то он не просит об участии в этом предприятии, он просто ставит вас в известность.

– Ты издеваешься. Ты что же думаешь, что, кроме денег, меня в этом мире ничто не интересует? – завелся Рем. – Он – муж моей сестры, отец моего племянника и будет рисковать не только своей головой, но и их тоже. Я слишком хорошо помню, что творилось с Анной до их замужества. Что же с ней станет, если он погибнет? Это еще при условии, что она останется дожидаться положительных перемен в отцовском доме, но я сомневаюсь, что она не последует за мужем. Отец, ты-то вмешаешься наконец?!

– Рем, не надо так кричать. Тебя расстроили слова Эндрю. Понимаю. Но ты сам в этом виноват, потому что всегда в первую голову смотришь на выгоду. Вот и складывается у людей мнение, что деньги для тебя стоят на первом месте. Ведь и Эндрю ты в первую очередь попрек-нул стремлением его получить выгоду.

– Да...

– Рем, раз уж попросил старика вмешаться, то помалкивай.

– Прости, отец.

– Все мы знаем, что мнение о тебе как о денежном мешке ошибочно и ты сам поддержи-ваешь его среди окружающих. Понятно, что так проще делать дела. Но ты уж успевай пере-страиваться, когда говоришь в кругу семьи и друзей. Эндрю, Андрэ, я надеюсь, вы не подумали о моем сыне ничего предосудительного?

– Нет, конечно, – тут же отозвался купец.

– Что вы, мэтр, – поспешил поддержать друга Андрей.

– Вот и ладно. Теперь самое главное. Андрэ, Анна знает о твоём намерении?

– Да, мэтр.

– Ну? Мне что, все клещами из тебя тянуть?

– Я имел с нею непростой разговор, – правильно понял тестя Андрей. – Она наотрез отка-зывается оставаться у вас. Мы ведь собираемся переселяться туда практически всем селом. В Новаке останутся только люди маркграфа – все остальные выказали желание отправиться со мной, даже вдовы погибших. Анна говорит, что не след жене их сюзерена оставаться в без-опасности.

– Это только отговорка, – вздохнул старик. – Сдается мне, главная причина в том, что она столько пережила, пока ты был в степи, что теперь боится с тобой расстаться хоть ненадолго. Не нужно краснеть. Моя дочь тебя любит всем сердцем и душой, а потому пойдет за тобой куда угодно. Ты это знаешь, и мы это знаем. Но ты собираешься идти в Кроусмарш. Туда, где уже пятьдесят с лишним лет люди никак не могут закрепиться, хотя и изгнали орков. Анна пойдет за тобой. Мало того – и сына возьмет с собой, потому как она не сможет оставить в безопасности свое дитя, пока дети твоих вассалов подвергаются опасности. И это мы все знаем. Так вот теперь скажи, стоит ли это твоего решения? Нет ли иного выхода?

– Иначе я поступить не могу.

– Не хочешь объяснить почему?

– Нет, мэтр. Не сейчас.

– Ты во что-то влез, и вам с Анной и Ричардом все одно угрожает опасность? Я правильно понимаю?

– В некотором роде.

– Инквизиция. – При этих словах Рем, не отдавая себе отчета, перекрестился, Эндрю сжал челюсти, катая желваки, а Андрей невесело ухмыльнулся.

– Я не искал неприятностей, но они сами нашли меня.

– Этим ты обезопасишь себя и семью?

– Да, мэтр.

– Тебе нужна помощь?

– Пока только ваше понимание, ну и, разумеется, приданое Анны.

– Эти деньги – Анны, а значит, и твои. Вы получите их по первому требованию. Рем...

– Я все понял, отец.

– Вот и решили. Пойдемте обедать. Так как, Ричард, не пора ли уже начать топтать ножками?

– Он упирается, – улыбнулся Андрей, – предпочитает передвигаться сидя, но делает это весьма сноровисто.

– Это я заметил, но пора уже становиться на ноги.

– Бесполезно, мэтр. Придет время – и сам пойдет.

– Нет, он пойдет еще до того, как вы уедете. Ну что, Ричард, покажем им, на что мы способны?

– Гы! – Это «гы» прозвучало как-то очень уж решительно, и дед поставил внука на ножки, ободряюще улыбнулся и отпустил. Карапуз какое-то время стоял покачиваясь и озираясь в поисках опоры, но, не находя ее, растерялся. Ближайшей опорой был вставший на колени в отдалении дед, который манил его к себе, но не торопился протянуть к нему уже ставшие привычными руки. Маленький Ричард постоял некоторое время, раскачиваясь из стороны в сторону, стараясь удержать равновесие, и вдруг, осветившись радостной улыбкой, весело гыкнул и, почему-то избрав своей целью Андрея, бодро семеня ножками, устремился к отцу, хотя до него было куда дальше. Преодолев три метра, отделявшие его от отца, и едва не упав, он вцепился в его колени и вновь радостно гыкнул.

– Ну вот, никакой тебе благодарности, – кряхтя, поднялся на ноги мэтр Вайли. – Шельмец ты эдакий. Это я поверил в то, что ты пойдешь, а не твой папаша, – так что же ты к нему-то побежал?

Задорно засмеявшись, осмелевший Ричард отпустил колени обнимающего его отца и, избавившись от его опеки, быстро перебирая ножками, как спринтер рванул к деду. Вцепившись в его колени, малец задрал голову и, глядя в глаза старика, залиvisto заверещал, выказывая таким образом переполнявшие его чувства.

– Ну слава тебе Господи, вспомнил, – по-стариковски добро улыбнувшись, обрадовался дед.

Вновь вошедшая в кабинет Анна – на этот раз ее привлек радостный гомон – застала душеспитательную картину. Четверо взрослых, встав квадратом, заигрывая с ее Ричардом, словно дети малые, подманивали его каждый к себе, а малец, азартно вереща от переполнявших его чувств, быстро перебирая ножками, метался от одного к другому, без какой-либо системы и порядка, в общем, как душа ляжет. При виде начавшего ходить сына у Анны разлилось по груди тепло и охватила гордость за мальчика, который наконец решил сделать свои первые шаги в этом прекрасном и в то же время опасном мире.

– А вот и мама. Анна, а наш сорванец-то пошел.

– Да, папа, я вижу, – умиленно улыбаясь, проговорила она.

Услышав ключевое слово «мама», а затем и родной голос, Ричард повернулся к ней и, весело вереща, рванул к ней, с ходу зарывшись лицом в ее юбку, из-под которой продолжал звучать, приглушенный тканью, его радостный крик.

– Ах ты, мой сорванец.

– Это точно, – авторитетно поддержал ее отец, – все ваши беды только начинаются. Ох и намаетесь, он вам еще подсыплет перцу. Правильно я говорю, Ричард?

– Папа, пора обедать.

– Идем, дочка. Мы уже закончили.

За то время, что прошло с момента последнего посещения Андреем, в кабинете сэра Свенсона ничего не изменилось. Сам хозяин кабинета тоже был все тем же. Темные до плеч волосы все так же обрамляли красивое благородное лицо с выразительными и умными глазами, вот только вроде морщин добавилось, впрочем, это Андрею могло и показаться: не столь часто он с ним общался.

– Ваше сиятельство...

– И я рад видеть вас, сэр Андрэ, – перебил Андрея маркиграф. – По случаю возвращения с границы вы мне уже представлялись. Что же вас привело теперь?

Андрей ничуть и не подумал обижаться или заострять внимание на том, что маркиграф его перебил. В конце концов, он был его сюзереном и стоял гораздо выше по положению в обществе. А еще Андрею импонировала привычка маркиграфа всегда брать быка за рога. Он мог продолжительное время хранить молчание, вникая в тот или иной вопрос, мог вот так сразу приступить к сути, но не любил светских бесед. Нет, конечно, скорее всего, в кругу своего общения он бывал и иным, Новак уверен, что так оно и было. Но здесь не тот случай. Андрей был его вассалом, но пока еще не успел стать соратником, не делил с маркиграфом трудностей не то что похода, а даже обычного перехода, так что сугубо деловой тон вполне устраивал Андрея и ничуть не задевал.

Другое дело, что, хотя он много раз прорабатывал ход разговора с сэром Свенсоном, он так и не решил, с чего начать. А потому начал сразу с сути. В конце концов, хозяин кабинета сам сразу задал деловой тон разговора, так чего стесняться-то.

– Ваше сиятельство, мне стало известно, что ваше владение Кроусмарш уже давно выставлено на продажу. Не устарели ли эти сведения?

– Вот так вот, сразу?

– Сэр...

– Все нормально, сэр Андрэ. Просто, признаться, я думал, что слегка огорошу вас своим вопросом. Но, как вижу, с вами этот номер не прошел. Наверное, это отличительная черта всех рыцарей, вышедших из низов, – нахрапом переть к своей цели, вот и покойный сэр Ричард Рэд был таким же.

При этих словах Андрей внимательно посмотрел на своего собеседника: с одной стороны, дерзость по отношению к своему сюзерену, но он хотел знать, с какой целью маркиграф помянул убитого Андреем рыцаря. Маркиграф выдержал его изучающий взгляд спокойно, никак не про-

реагировав на дерзость, и Андрей опустил взгляд. Похоже, никакого скрытого смысла в словах сэра Свенсона не было, он просто привел пример. Ну что же, оставалось только продолжать:

– Так как насчет Кроусмарша, милорд?

– А никак. С этим вопросом все обстоит так же, как и десять, и двадцать, и тридцать лет назад. Владения выставлены на продажу, но желающих приобрести их все еще нет. Сэр Ричард был первым и последним, кто хотел их приобрести. Я так понимаю, что у нас нашелся новый соискатель на баронскую корону.

– Если вы не посчитаете это дерзостью.

– Не посчитаю. Но вот вопросы задам, если вы не против, сэр Андрэ.

– Готов ответить на любые.

– Ну в этом-то я как раз и не сомневаюсь. Раз уж вы умудрились предстать перед трибуналом инквизиции и не испугались правдиво и смело отвечать на их вопросы, то перед своим сюзереном и подавно не стужаетесь. Итак, сэр Андрэ, два с половиной года назад вы отказались стать землевладельцем, заявив, что у вас нет денег для приобретения надела, и отказались от рыцарской цепи, хотя и имели на нее право. Что изменилось?

– Ну причина, почему я решил все же надеть рыцарскую цепь, вам известна. Инквизиция.

– Продолжайте.

– Что же касается денег, то служба на границе как очистила меня в глазах нашей Церкви, так и наполнила мой кошелек звонкой монетой.

– Я слышал и о приданом, и о трофеях, и о соляном походе. Вы, оказывается, авантюрист.

– Скорее подвержен влиянию близких людей с авантюрной жилкой.

– Это вы об Эндриу Белтоне?

– О ком же еще, ваша светлость. Уж и не знаю, благодарить мне судьбу за то, что она сблизила меня с ним, или, наоборот, выказать свое недовольство этим, но пока все авантюры, на которые он меня толкал, шли мне на пользу.

– Должен заметить, что и ему тоже. Ну что же, пока принимается. А почему Кроусмарш? Вы, наверное, можете себе позволить покупку и куда более безопасных земель.

– Конечно, но эта покупка лишит меня практически всех средств.

– Возможно, у вас даже не останется свободных средств вообще, – согласился с ним маркиграф. – Но вы получите владения в относительно спокойном месте. С разбойничьими же шайками и рейдерскими орочьими отрядами вы вполне сможете справиться сами, опыт и в том и в другом у вас большой. Кроусмарш также опустошит ваш кошелек, но место не в пример опаснее, и никаких гарантий. Так почему именно Кроусмарш?

– Риск есть, и немалый, вы правы. Но также вы правы и в том, что у меня поднакопился кое-какой опыт в решении проблем, создаваемых орками, а на кону оказывается большой барыш. Эти владения по большому счету потянут на графство.

– Значит, вы не хотите быть простым бароном, вам хочется стать графом.

– Вы находите это предосудительным?

– Нет. Но графскую корону вы сможете получить только из рук короля, а это весьма непросто. К тому же вам понадобятся вассалы из числа рыцарей. Впрочем, не думаю, что здесь у вас возникнут проблемы. Как только вам удастся закрыть проход, от желающих присягнуть вам у вас не будет отбоя. Но вот только боюсь, что все они нищи, и вам самому придется озаботиться строительством замков, они же смогут быть не более как арендаторами или же зрителями ваших же замков. Дорогое удовольствие.

– Можно пойти и иным путем, ваша светлость.

– Сделать рыцарями воинов своей дружины?

– Кроусмарш не отличается спокойствием, так что заполучить двадцать браслетов возможность будет.

– Или сложить голову. Вы думаете, почему так мало тех, кто получает таким образом рыцарскую цепь?

– Потери неизбежны, сэра. Но и приз немалый. К тому же какой бы большой территорией ни являлся Кроусмарш, двадцать баронов – это все же многовато.

– Вы действительно готовы одарить ваших воинов землей? Роскошь, не всегда доступная даже королям.

– Кто говорит об одаривании? Земля может быть предоставлена в рассрочку.

– Целое графство с баронами и даже графом, вышедшими из низов? Вы еще больший авантюрист, нежели Белтон.

– Я ведь буду только рад, если кто из рыцарей решит присоединиться ко мне...

– Да только желающих не предвидится: слишком хорошо известно, что собой представляет Кроусмарш, – задумчиво перебил его маркграф.

Пауза затянулась, но Андрей не смел прервать раздумий сюзерена. О чем же думал этот умудренный опытом человек, по его виду понять было невозможно. Сэр Свенсон уставился в одну только ему ведомую точку и словно отрешился от мира сего. Молчание длилось не менее минуты. Наконец, придя к какому-то решению, маркграф перевел внимательный взгляд на Андрея и, кивнув своим мыслям, заговорил:

– Я согласен уступить вам Кроусмарш за тысячу цехинов.

– Но...

– Вас не устраивает цена?

– Нет, ваша светлость. Цена меня устраивает, – сказал он, переборов свое желание напомнить о том, что до последнего времени цена была куда более символической – всего-то сто золотых. Правда, новую цену тоже нельзя было назвать завышенной, она также была символической, если учесть, какой кусок был на прилавке, но это уже непредвиденные расходы. Андрей лишился сразу девяти сотен золотых, и это притом что таких вот незапланированных расходов будет еще много. Не разориться бы раньше времени.

– Ну что же, если с ценой мы утрясли, перейдем к деталям. Итак. Вы получаете пять лет послабления в налоговом бремени. В то же время Кроусмарш ложится целиком на ваши плечи. Иными словами, защита этих земель – полностью ваша забота, и в то же время это ваша служба. Отсюда следует, что за каждый прорыв орочных отрядов вы будете отвечать лично. Ввиду того что вам придется перекрыть незначительный участок, спрошу весьма серьезно. Вопросы?

– Ваша светлость, нельзя ли сделать так, чтобы я вступил во владение землей с мая месяца? Тысячу золотых я готов внести уже сегодня, – поспешил заверить его Андрей.

– Для чего же вам нужна отсрочка?

– Зимой строительство каменных укреплений будет сильно затруднено, а строить придется быстро. Насколько мне известно, орки не больно-то приветствуют возведение укреплений в Кроусмарше.

– Да, это так. Но для чего же вы пришли ко мне сейчас? Дождались бы весны.

– Чтобы в последний момент узнать, что опоздал и земли уже проданы?

– Эти земли уже больше пятидесяти лет под рукой моей семьи, но хозяин для них до сих пор не нашелся. Что решили бы какие-то три месяца?

– Всегда может что-то случиться в последний момент.

– А до конца апреля, я так понимаю, службу в Кроусмарше должны нести мои люди? – В ответ на эти слова Андрей только потупился. – Хорошо. Но обеспечение гарнизона полностью пойдет за ваш счет.

– Благодарю вас, ваша светлость, – не скрывая радости, проговорил Андрей. Что и говорить, он был готов к тому, что маркграф либо откажет, и тогда придется искать наемников, либо затребует дополнительную плату за службу его людей, а обеспечить провизией и фуражом

маленький гарнизон в течение трех месяцев – это не так уж и дорого, наемники обошлись бы куда дороже.

– Мой казначей подготовит все необходимые документы уже к завтрашнему утру. Утром же внесете нужную сумму. Если у вас все, то можете идти.

– Благодарю вас, ваша светлость.

– Что-то еще?

– Я ведь у вас на службе?

– Фактически так и есть.

– Не могу ли я принять командование гарнизоном форта с первого апреля?

– Вообще-то это будут уже ваши земли. Понимаю. Хотите познакомиться с особенностями местности и службы. Что ж, принимается. Но только если опоздаете, спрошу по всей строгости.

Прижав кулак правой руки к левому плечу и коротко поклонившись, Андрей четко развернулся и покинул кабинет, уже не видя того, как маркграф провожает его внимательным и задумчивым взглядом.

Сэр Андрэ по-прежнему оставался для него загадкой. Несмотря на то что за прошедшее время он поднаторел в самообладании, сэр Свенсон читал его как открытую книгу, но вместе с тем постоянно ловил себя на мысли, что при всей открытости и при всей обширной информации, которой обладал о нем маркграф, а она была куда более полной, нежели обладала даже инквизиция, сэр Андрэ Новак, а с завтрашнего утра еще и барон Кроусмарш, оставался неразрешимой загадкой. Впрочем, весьма возможно, что уже сегодня он будет знать куда больше. В самое ближайшее время он ожидал отчета своего осведомителя при сэре Андрэ и очень рассчитывал на то, что вопросов после этого станет куда меньше.

Сэр Свенсон все еще пребывал в задумчивости, когда в дверь постучали, а затем в кабинет вошел старый дворецкий. Если граф и мог себе позволить некоторую вольность в одежде или общении, этот старик не терпел подобного и всегда был аккуратен в одежде и вел себя степенно, преисполненный достоинства своим положением. Он фактически являлся лицом этого дома и, казалось, больше хозяев пекся об их авторитете, приличиях и чести семьи.

Извечная проблема замковых слуг, служивших своим господам не одно поколение. Преисполненные достоинства, они с честью представляли дома своих господ, и нередко самим господам доставалось от них на орехи, и те терпеливо сносили нападки собственных слуг. Причем это отнюдь не относилось именно к дворецким. Конюх вполне мог попенять за нерадивое отношение к животному, егерь – вставить крепкое словцо за неуклюжесть на охоте, тем паче если это могло бы привести к травмам, кухарка – не особо стесняясь, проворчать все то, что думает о господах, питающихся нерегулярно и абы как, ключница – пройтись по поводу изодранной одежды, и так каждый из слуг, кто поколениями служил в данном замке. Особая статья – кормилицы: эти не стеснялись при случае даже отвесить подзатыльник нерадивому великовозрастному дитяти, а дамам так и вовсе пройтись по мягким местам, правда, это никогда не происходило при посторонних. Все эти ворчания и попреки воспринимались дворянами вполне терпимо, и нередко, чтобы ублажить прислугу, они соглашались со справедливостью замечаний и не приказывали, а просили не ворчать. Казалось бы, абсурд. Но все имеет свою цену. Никогда и никому другому прислуга не позволит в своем присутствии плохо отозваться о господине и тут же поставит распоясавшегося на место. Не было еще случая, чтобы кто-то из этих слуг предал своих господ или стал бы наушничать на них. Если вдруг наступал такой момент, то эти слуги без раздумий готовы были сложить за своих господ голову, и не потому что этого от них требовал долг, а потому что искренне их любили.

– Сэр. Обед подан.

– А что, уже время обеда?

– Да, сэр.

- Странно. Ко мне никто не просился на прием?
- Да, сэр. Ветеран Джеф Длинный Лук.
- Где он?
- Ожидает приема во дворе.
- И когда ты собирался сообщить о его приходе?
- После обеда, – проигнорировав недовольство господина, спокойно ответил старик.

Маркграф едва сдержался, чтобы не высказать старику все, что он о нем думал, но вовремя остановился. Старый слуга ни в чем не виноват, ему-то было и невдомек, что этого ветерана с нетерпением ожидает его господин, а потому он не видел необходимости нарушать распорядок дня. Ветеран? Не велика фигура, может и обождать, пока господин пообедает.

- Роберт, пригласи Джефа сюда.
- ...
- А пообедаю я после.
- Слушаюсь, сэр.

Так уж случилось, что по возвращении из степи Джеф так и не смог вырваться к своему сюзерену с докладом. В окрестностях села появилась какая-то шальная разбойничья шайка, и Новак, будучи сам обязан предстать пред ясны очи маркграфа, оставил Джефа руководить уничтожением шайки, а сам в сопровождении только одного воина прибыл в Йорк. До сегодняшнего дня ветерану не представилась оказия попасть в столицу маркграфства, и вот теперь он прибыл.

– Благодарю, ваша светлость, что приняли меня так быстро. Мое долгое отсутствие не может остаться незамеченным.

– Я так и понял. Присаживайся, Джеф. Я так понимаю, что за это время произошло много всего, и рассказ будет не из коротких?

– Это точно, ваша светлость.

Весь рассказ ветерана маркграф прослушал молча, не задавая никаких вопросов. Он молчал и тогда, когда Джеф рассказывал о новом оружии, и когда тот поведал о нравах степных орков и их отношении к людям, не перебил он говорившего и тогда, когда речь зашла об Империи. Хотя все это представляло для него живой интерес. По мере рассказа маркграф только мрачнел на глазах, все больше погружаясь в себя.

– Вот, собственно, и все, ваша светлость. – Наконец рассказ был окончен, и Джеф, глубоко вздохнув и переведя дух, подвел черту под вышесказанным.

– Не скажу, что у меня нет вопросов, – все так же задумчиво проговорил сэр Свенсон. – Как повели себя эти самые карабины?

– Убойная штука, – скривившись, коротко высказался ветеран.

– Я это понял по твоему недовольному виду. Все еще грезишь длинным луком, Джеф? Судя по тому, какие потери вы сумели нанести оркам, оружие действительно хорошее, но меня интересуют не достоинства, их ты описал, а недостатки.

– Есть и недостатки, куда без них. Очень боится пыли, чистить нужно, почитай, каждый день, но это там, в степи, там пыль всюду, здесь можно и пореже. На сильном морозе точность стрельбы падает, но после пары выстрелов все становится на свои места. Баллоны нельзя перекачивать, иначе могут лопнуть и покалечить, – несмотря на то что сэр Андрэ особо обращал на это внимание, у нас был один несчастный случай. Воина спасло то, что он был в полном облачении, а еще то, что когда разорвало баллон, кусок, ударивший его, был большим и ударил плашмя, иначе его разрезало бы, а так обошлось, правда, месяц он был не боец и едва мог дышать. Медик сказал, что сломано два ребра. Сэр Андрэ разобрал один из баллонов и объяснил, что те изнутри проржавели, а потому металл не выдержал.

– Серьезный недостаток, если учесть, что в степи куда суше, чем здесь, и оружие прослужило меньше года.

– На самом деле нет, милорд. Недостаток уже устранен, теперь эти баллоны способны служить гораздо дольше. Грэг лудит их изнутри оловом, а олово и само не ржавеет, и воду не допускает к стали.

– Ясно. Что еще?

– Насос, ну чем закачивать воздух в баллоны, большой и неудобный, в походе под него нужно чуть не отдельную повозку. Ну и самое главное, оружие получается очень дорогим.

– А сильно отличается от того оружия, что сэра Андрэ принес с орочьей стороны?

– Очень, ваша светлость. То оружие куда серьезнее, эти карабины, конечно, лучше арбалетов, хотя и уступают по надежности, но то оружие и сравнивать нельзя. В чем-то они сильно похожи, но и отличаются очень сильно.

– Ну это не суть важно, того оружия уже нет.

– С чего бы это, сэра?

– Разве инквизиция не отобрала у него его оружие?

– Отобрала, конечно, да только он отдал лишь то, которое видели при нем, а есть еще, и оно хранится в тайнике. Так что на всякий случай он имеет еще несколько штук этого чудного оружия и патроны эти – он отдал не все.

– Интересно. А что, он и правда не может сделать эти самые патроны?

– Нет. Он сильно сокрушался из-за этого, но поделывать ничего не может.

– Ясно. Теперь об Империи и ее армии. Что, они действительно так хороши? Меня, признаться, несколько озадачил твой вид, когда ты говорил о них.

– Великолепная выучка, сэра. Нам такого не добиться.

– Ну не надо так принижать наши способности, мы тоже не степные орки и всегда били их.

– Это просто нужно было видеть, сэра. Такого не добиться одними только тренировками, это настоящий боевой опыт. К тому же сэра Андрэ говорит, что мы видели только одну небольшую схватку, и уверен, что у них в запасе хватит сюрпризов, и я ему верю.

– А стоит ли МНЕ верить ему, Джеф? – Сэр Свенсон вперил в ветерана внимательный взгляд.

– Конечно, сэра, – не задумываясь, выпалил ветеран. – Я так говорю не только потому, что провел с ним в боях и походах весь последний год. Не знаю, как это объяснить, но он весь как на ладони, у него нет притворства, и если уж он дал слово, то будет держать его.

– Сегодня он явился ко мне с целью выкупить Кроусмарш. Хочет стать графом.

– Я знаю, зачем он приходил к вам. А графская корона... Не нужна она ему. А потом, вы ведь и сами подумывали о том, чтобы посадить его в Кроусмарше.

– Да, хотел. И если бы он сам не рвался туда, то был бы рад этому, потому как не сомневаюсь, что над ним распростер свою длань Господь наш. Но то упорство, с которым он сам рвется в этот опасный край, настораживает. Я пообещал ему продать Кроусмарш и выправить документы уже завтра, но все еще можно переиграть. Я решил сначала побеседовать с тобой. Так почему Кроусмарш?

– Потому что он хочет подготовиться к встрече с войском Империи, а там можно это делать вдали от наблюдателей инквизиции. Он боится, что если они проведают о том, что мы знаем о Южной империи, то нас всех ждет костер.

– И правильно опасается. Но соглядатаев они все одно приставят.

– Сэр Андрэ говорит, что с этим он как-нибудь справится. Главное, что Кроусмарш можно изолировать от остальных и в тиши подготовиться к встрече с врагом.

– Да с чего он взял, что Империя вообще сунется сюда?

– Может, и не сунется. А если он окажется прав? Я не говорю, что они нас разобьют и захватят, но отбиться от них будет ох как непросто, кровью умоемся и весь цвет воинства положим.

– Так, значит, ты советуешь отдать ему Кроусмарш?

– Да, сэра.

– А ну как он со своим оружием возжелает власти? Сила-то выйдет серьезная.

– Да не нужно ему этого. Он и рыцарем-то не хотел быть, да выбора ему не оставили.

Если он и возжелает корону, то не для себя, а для вас.

– С чего бы это? – Маркграф настолько удивился, что забыл даже следить за собой, и все его удивление отразилось в его облике.

– Бегает он от власти как дьявол от мессы. Говорит, что из вас получился бы хороший король, не чета нынешнему, и если вы пожелаете корону, то поможет вам в этом. А сейчас он хочет просто спокойной жизни. А готовит оружие потому, что, говорит, если хочешь мира, то готовься к войне – мол, если за тобой сила, то и трогать тебя поостерегутся.

– Трудно с этим спорить. Хорошо. Можешь идти. И не смотри на меня так. Завтра внесет деньги и получит свой Кроусмарш, как и договаривались. А ты там смотри. Да, и о том, что тут рассказывал, ни слова, ни намека.

– Что ж я, дите неразумное?

– И еще. Ты как-нибудь из него дурь насчет королевской короны-то выбивай. Наш род из века в век преданно служил королевскому дому, и иного не будет. Не то дойдут его рассуждения до короля, мне потом ввек не отмыться – глядишь, еще и заговор какой придумают, доброжелателей хватает. Ладно, ступай.

В ответ ветеран только кивнул – мол, понял все, сделаем – и, отдав салют, быстро покинул кабинет.

Двор встретил его колючим морозом, тут же вцепившимся в его нос и щеки. Радовало то, что хотя бы ветра не было, иначе при таком-то морозе удовольствие не из приятных. Поправив воротник полушубка и посильнее нахлобучив треух, Джеф бодро зашагал со двора. Он не пытался скрываться и не опасался того, что кто-то увидит его выходящим со двора замка. Как-никак, двадцать пять лет отслужил в дружине маркграфа. Знает практически всех воинов и практически со всеми побывал в переделках. Разве только мясо посматривало на него несколько недоумевающее – почему посторонний свободно перемещается по замку, – но если бы они услышали имя этого постороннего, то вместо вопросительных взглядов тут же появились бы любопытные. Имечко он себе все же за эти годы заработал.

На площади Джеф заметил с десяток горожан, которые грузили на сани с вместительным коробом уже собранный в кучи снег. Снег – это дело такое. Если его не убирать вовремя, то в скором времени по улицам будет ни пройти, ни проехать. Так что в каждом квартале были установлены очереди по очистке улиц, спрос же был со старших, коих назначал городской совет.

В зимнюю пору в город на заработки приезжало много крестьян, у которых страда осталась позади и, по сути, делать дома было нечего. Конечно, горожане за уборку снега вместо своей очереди много не заплатят, но все лучше, чем бока отлеживать. Впрочем, были и такие, куда же без них, но эти лежебоки не больно-то трудились и в страду, потому и жили беднее некуда, и голод к ним стучался чаще, и на кладбище родных свозили почаще остальных.

Было уже далеко за полдень, и в скором времени на город должна была опуститься ранняя в эту пору темень, но часа два светлого времени еще оставалось, а потому торопиться особо было некуда. Джеф и не торопился, с удовольствием вдыхая морозный воздух.

«Бойцовый петух» встретил его теплым и в то же время спертым воздухом, насыщенным парами вина и эля, а также запахами из кухни. Посетителей хватало, приближался вечер, и люди тянулись к теплу, ну и к чарке-другой чего-нибудь горячительного, а как же без этого.

Джеф окинул взглядом заполненный разным людом зал и в углу заметил сэра Андрэ в компании троих мужчин, по всему виду, мастеровых. За соседним столом сидел весь десяток бойцов, которые сопровождали чету Новак в этой поездке. Сэр Андрэ не захотел злоупотреб-

лять гостеприимством тестя и расположил людей в гостинице – сам он остановился у мэтра Вайли, только деловые встречи проводил здесь. Даниэль, владелец гостиницы, не мудрствуя лукаво, зарезервировал эти столы за постояльцами, так что если они спускались в зал, то даже завсегда и быстро выпроваживались на другие места. Хозяин гостиницы даже предлагал сэру рыцарю известный кабинет для деловых переговоров, но Новак отказался, так как ничего секретного в своих разговорах не видел, а если кто что услышит, так беды не будет. Пусть разносится весть о том, что по весне намечается неплохой шанс подзаработать, вот только работать придется в столь интересном месте, что лучше будет, если узнает об этом как можно больше людей, иначе достаточного количества желающих можно и не набрать.

Новак кивнул подошедшему к столу Джефу и, не прекращая говорить, указал на скамью подле себя.

– ...Мастер Лукас, вы меня знаете, внакладе я не останусь и заплачу все сполна. Разве я не расплатился честь по чести два года назад?

– Что вы, сэр Андрэ, – замахал руками старик. – Я и в мыслях этого не держал. Коли вы сказали, что заплатите втрое, то так оно и будет. Я не о том. Ведь это Кроусмарш. Гиблое место. В последний раз, когда там хотели возвести крепость, из рабочих спасся едва каждый десятый. Я тогда в ученичестве был, так спасибо моим молодым ногам, а учитель мой так и сгинул.

– Но я гарантирую безопасность. Там будет моя дружина, люди маркграфа, да еще и наемники.

– А тогда что ж, никого не было?

– Хорошо, поставим вопрос по-другому. Вместе со мной туда отправляется моя семья. Как вы считаете, дорожу я ими или нет?

– Дак верю я вам. И вы сейчас верите тому, что говорите. Но орки-то – это дело такое...

– Мастер Лукас, ну скажите, неужели никто не захочет за один сезон заработать столько, сколько сможет только за три? И ведь одним сезоном дело не обойдется. Как только обезопасим проход, то развернется остальное строительство. В первый же год развернется как минимум строительство еще одной деревни, и все это по тройной цене. И на будущий год строить тоже будем, люди потянутся, я уверен, а значит, и строить нужно будет много, а вы со своими людьми уже будете наняты, и с другими мастерами я и разговаривать не стану.

– И тоже втрое?

– Э-э нет. Цена уже будет обычной. Но насколько я знаю, многие без работы сидят и в разгар сезона, а тут и голову ломать не надо – работа уже будет вас ждать, а если сумеем достаточно лесорубов собрать и подготовить лес, то строительство и зимой будем вести. Да кто еще может предложить столько работы?

Да-а, картина была та еще. Рыцарь уговаривает мастеровых поработать, да при этом еще и обещает с три короба, лишь бы заинтересовать их. Да где такое видано? При таких объемах вокруг работодателя должна была виться целая куча мастеров и, подобострастно кланяясь, расхваливать свое мастерство и умолять сэра рыцаря нанять именно их. Но Кроусмарш был особым местечком. Туда мастеров нужно было заманивать, да еще и уговаривать, как выяснилось.

– Значит, так, мастер Лукас. Давайте вы сейчас не станете мне говорить ни «да», ни «нет». Идите домой, отдохните, подумайте, посоветуйтесь, а завтра в полдень встретимся здесь же, и вы скажете мне свой ответ.

Мастер Лукас и двое старшин артелей, которые обычно трудились с ним, поднялись и, поклонившись, направились к выходу. Андрей взял кружку, взболтнул содержимое, изучая его задумчивым взглядом, и наконец залпом опрокинул в рот.

– Как успехи?

– Да никак. Упираются.

– Может, увеличить плату?

– А может, им по их весу платить золотом?

– Но он прав, Кроусмарш у всех на устах как гиблое место.

– Ерунда. Конечно, поискать придется, но я уверен, что смогу найти желающих и за двойную плату, а в сезон так и вовсе за обычную. Это сейчас они хорохорятся, а как придет время и останутся без работы, то рады будут и этой.

– Ну, это вы лишку хватили.

– Возможно. Но рабочих я в любом случае найду. Только вот хотелось бы именно мастера Лукаса заполучить. Уж он-то со своими артелями без работы не останется. Хороший мастер. И главное, хоть деревеньку ставить, хоть крепость – универсал.

– Да откуда же вы столько словечек нахватались? Вот еще это уни-ве... язык сломаешь.

– Читал в свое время много.

– Оно и видно.

Андрей, осматривая зал, обратил внимание на то, что к владельцу гостиницы подошел мальчишка и, опасливо косясь в сторону рыцаря и его десятника, что-то ему сказал. Тот выслушал его и, утвердительно кивнув, слегка похлопал его по затылку, отправляя работать. Сам Даниэль направился к столу, за которым сидели Андрей и Джеф.

– Прошу прощения, сэр. Вас просил позвать падре Патрик. Он в отдельном кабинете.

– А что же малец – побоялся передать мне просьбу сам? Неужели я так страшен?

– Он недавно у меня работает, подобрал на улице, не освоился, робеет перед благородными.

– Эдак не набегаяешься за слугами.

– Ничего. Освоится еще, – ухмыльнулся владелец Даниэль.

– Хорошо. Я поднимусь.

Андрей встал из-за стола и направился к лестнице. Гостиница Даниэля славилась среди делового круга Йорка именно благодаря этому самому кабинету. Месту, где могли без опаски обсуждать любые дела. Гарантия сохранения тайны была абсолютной и проверена годами. Андрей сомневался в этом, но пока не слышал ничего, что бы противоречило этому утверждению. Однако при столь сильных позициях инквизиции, которая в этом мире была сродни КГБ в СССР, в существование официального места, где можно говорить без опаски, как бы это сказать помягче, слегка не верилось. Но пока повода сомневаться в этом не было, хотя червячок сомнения не отпускал.

Просьба падре немного удивила Андрея. Он приехал с ним, чтобы встретиться со своими братьями. То, что он решил воспользоваться этим кабинетом, удивительным не было – как никак, бывший епископ был в опале, и навлекать неприятности на тех, кто не отвернулся от падре и сегодня, было глупо. Но с другой-то стороны, падре тоже должен был предполагать то, что заведение Даниэля под колпаком, не дурак ведь, опять же уже был под следствием инквизиции, а как говорят, «обжегшись на молоке, дуют на воду». Но вот он преспокойно общается с кем-то из своих доверенных лиц. Да и Бог с ним по большому счету, но для чего понадобился ему Андрей, было удивительно вдвойне: уж Новак-то к делам Церкви не имел никакого отношения, а если быть до конца откровенным – то и не хотел иметь. Спокойнее так и здоровее будешь.

В кабинете за накрытым скромной трапезой столом сидели двое. Падре, о чем-то крепко задумавшийся, и мужчина средних лет. Одежда обычного горожанина, в углу на лавку сброшен ничем не примечательный полушубок и треух. Внешность также ничем не примечательна – если такого попросят описать, то и не вспомнишь ничего. Среднего роста, самого обычного телосложения, спокойное, ничем не выделяющееся лицо, ни красивое, ни страшное, обычное, в общем, лицо, без шрамов, с самой обычной бородой, какие здесь носят практически все мужчины. Серая мышка – это определение, похоже, подошло бы в самый раз.

– Проходи, сын мой, – заметив в дверях Новака, пригласил падре Патрик.

Андрей присел к столу и внимательно посмотрел в серые глаза незнакомца. Он понимал, что падре пригласил его сюда для того, чтобы познакомить с этим мужчиной, поэтому Новак, привыкший доверять своим первым впечатлениям, постарался повнимательней изучить незнакомца. И он затруднялся сделать для себя хотя бы какие-то выводы. Подобно и внешности, этот человек не вызывал ни симпатий, ни антипатий – так, нечто среднее. Это Андрею не понравилось больше всего, и он решил держать ухо востро.

Мужчина, словно понимая, что его оценивают, смотрел на него спокойным взглядом, но что-то на уровне подсознания выдавало в его взгляде такую же заинтересованность и попытку оценить собеседника, хотя внешне это был спокойный взгляд открытого и честного человека.

Падре примерно с минуту наблюдал за молчаливым диалогом этих двоих, а потом, неопределенно хмыкнув, заговорил:

– Ну что, наигрались в гляделки? Пора бы вас и познакомить. Сэр Андрэ Новак, рыцарь Английской короны, вассал сэра Сэдрика Йоркского, возможно, в скором времени барон Кроусмарш. – Андрей медленно кивнул, подтверждая сказанное. – Ну а это брат Адам, дознаватель ордена Святой инквизиции нашей матери Церкви.

При этих словах Андрей тут же напрягся, и как он ни пытался следить за собой, это тут же стало заметно невооруженным взглядом. Тело воина, которое во время опасности действовало на уровне инстинктов, тут же нашло наиболее удобную позу, чтобы иметь возможность быстро и без помех подняться, при этом не мешая обнажить оружие, рука сама собой легла на рукоять боевого ножа, так как воспользоваться мечом в относительно тесном помещении было затруднительно.

Все это не укрылось от внимательного взгляда инквизитора. Наблюдая за переменами, произошедшими с Андреем, брат Адам ухмыльнулся и, взяв со стола кружку с вином, сделал небольшой глоток.

– Не любите вы инквизицию, сын мой, – вернув кружку на стол, спокойно проговорил он. – Вон как подобрались – словно волк, загнанный в угол сворой гончих.

– Почему я должен не любить инквизицию? – как можно более безразличным тоном постарался сбить возникшее напряжение Андрей.

– А вот это вам виднее. Я говорю только о том, что вижу. Да не лапай ты ножичек: если я захочу, воспользоваться ты им не успеешь. – Он спокойно посмотрел в сосредоточенное лицо Андрея и спокойно закончил: – Лучше поверь мне на слово.

На миг Андрей засомневался, но затем решил, что оно того не стоит. Во-первых, он просто не знал, на что способен этот инквизитор. Во-вторых, и в самых главных, если его позвали, значит, хотят поговорить, а лучший способ узнать о чем – это все же выслушать пригласившую сторону.

Рука соскользнула с рукояти и спокойно взяла со стола кувшин с вином, нарочито медленно наполнила третью кружку и столь же медленно поднесла ее к губам. Сделав небольшой глоток терпкого напитка, Андрей все так же нарочито медленно поставил ее на стол.

Инквизитор легкой ухмылкой дал понять, что оценил то, что рука рыцаря тверда и в ней нет ни капли дрожи, а значит, не страх изменил намерения Новака, а желание выслушать пригласивших его.

– Итак, падре, брат Адам, я слушаю вас.

– Я пригласил тебя, сын мой, чтобы поговорить о Южной империи.

При этих словах падре Патрика Андрей вновь инстинктивно напрягся и непроизвольно осмотрелся в поисках щелей и дырочек, сквозь которые могли за ними наблюдать и подслушивать. На губах инквизитора вновь появилась ухмылка, но на этот раз она была несколько иной – одобрительной, что ли. И подтверждение наблюдениям Андрея не заставило себя долго ждать:

– Сейчас нас никто не слушает, – спокойно проговорил брат Адам. – Примите мои поздравления. Люди весьма немалого ума попадались на полной уверенности в безопасности этого места.

– Значит, инквизиция все же держит это место под колпаком, – скорее утвердительно, чем вопросительно проговорил Андрей.

В ответ на это, инквизитор поднялся и, подойдя к противоположной от входа стене, отодвинул в сторону небольшую декоративную панель, которая, казалось, была закреплена намертво. Брат Адам сделал приглашающий жест, и Андрей, подойдя, заглянул в образовавшееся маленькое оконце. За ним располагалась небольшая комнатка, скорее клетушка, в которой едва мог расположиться один человек. Там были небольшой стол с горящим светильником, с письменными принадлежностями и скамья, расположенные таким образом, чтобы сидящий как раз находился левым ухом у этого оконца. Была видна и узенькая лестница, устроенная между двумя стенами и ведущая вниз.

– Лестница ведет в подвал и наверняка не сообщается с общим помещением, скрытая фальшивым фундаментом, а там подземный ход. Куда он ведет?

– Это не имеет значения. Вынужден с вами согласиться, падре, сэр Андрэ и вправду весьма неординарный человек. Но, как бы это сказать, немного невыдержанный. Однако надеюсь, в бою вашей выдержке можно позавидовать. Наверняка так, иначе вас давно сожрали бы орки.

– Степные орки не едят разумных, – внимательно следя за реакцией инквизитора, проговорил Андрей.

– Но вы были и за Яной, а уж они-то человечинку очень уважают, – не моргнув глазом, ответил тот. – Сэр Андрэ, кого только мне не приходилось изображать по долгу службы, иногда от этого устаешь. Да и времени у нас не так много, как хотелось бы. Писарь скоро вернется на дежурство, так что лучше сразу к делу. Давайте поступим так. Я вам вкратце расскажу кое-что, а затем мы поговорим.

– Я внимательно вас слушаю.

– Вот и прекрасно. Итак, о существовании Южной империи и других государств орков известно уже давно. Очень давно. Как такое случилось, до сих пор непонятно, но около десяти лет об орках не было ни слуху ни духу. Люди расселялись, ссорились – и наконец разделились. А потом в наказание за наши распри Господь отвернулся от нас, а сатана наслал на нас полчища своих слуг. Разумеется, это официальная версия. Со степными орками мы столкнулись несколько позже, чем с лесными. Так уж случилось, что люди появились здесь на ничейной земле: полоса земли не была занята никем. Постепенно люди отвоевывали территории, и между степными орками и лесными появились людские государства, и орки перестали ходить в набеги друг на друга: мы надежно отделили одних от других. Однако вскоре у степных орков были обнаружены монеты, а деньги – это уже признак государства. Затем были и другие находки, которые никак не вязались с дикарями, посуда со сценами штурмов крепостей, с изображением батальи и воинами, облаченными в одинаковые доспехи. Было принято решение начать изучать врага. Брались пленные орки, изучался их язык. Тут-то и стало известно о множестве государств за степью. Именно государств, со всеми структурами, должными для нормального государства, со своей письменностью и, самое главное, летописями. К оркам был направлен отряд разведчиков – лучшие из лучших. Им удалось доставить одну из летописей и грамотного орка. Вот тут-то и стало известно доподлинно, что орки живут здесь гораздо дольше, нежели в этом мире появились люди.

– А значит, стало известно и о том, что они никакие не исчадия ада, а просто хозяева этого мира, люди же – нежеланные здесь гости.

– Именно. Но к тому моменту святой Иоанн уже покоился с миром, а никто другой не мог открыть врата обратно. Нам оставалось только выживать в этом мире. Люди были уже

разобщены, и единственное, что еще связывало их, это вера. И тогда Церковь стала усиливать свои позиции, был создан орден Святой инквизиции. Даже среди священнослужителей далеко не многие знают о существовании орочьих государств.

– Ну что же, весьма познавательная беседа. Но только вы не сказали пока ничего такого, чего бы я не знал или о чем не догадывался. Вот скажите, неужели вы действительно полагали, что вам удастся вечно удерживать это в тайне? Ведь живущие на южной границе видели, что повадки степных орков сильно отличаются от повадок лесовиков.

– Это так, но это было только на уровне слухов и догадок. Сильные позиции инквизиции на южной границе позволяли сохранять тайну.

– Что же изменилось?

– А изменилось то, что полученные вами сведения перевернули все с ног на голову. До сих пор степные племена орков служили хорошей защитой от орочьих государств. Но теперь, когда вопрос возникновения единой Империи орков – почти свершившийся факт, вероятность того, чтобы степняки сумели сдержать Империю, очень мала.

– Это свершившийся факт. Да, соперник еще не добит, но он уже на коленях, осталось нанести последний, решающий удар. Два, от силы три года – и Империя придет сюда. Вы в этом сомневаетесь?

– Честно признаться, сомнения есть относительно существующего положения дел. Информации недостаточно.

– Для меня – так вполне.

– Дело в том, что для синода информации, полученной от опального епископа и неблагонадежного рыцаря, а по сути, только от него, будет недостаточно. Вы понимаете, что если обнародовать эти сведения, то это будет сродни снежной лавине в горах.

– Страшно и убийственно. Да понимаю. А еще я понимаю, что если попытаюсь сам сделать это, то окажусь на костре. Я даже понимаю то, что очень сильно рискую, беседуя с вами. И только не догадываюсь, почему должен оставить вас в живых.

При этом голос Андрея изменился. Он вроде все так же звучал спокойно и ровно, но что-то в нем неуловимо поменялось, и сквозь это спокойствие прорвалась неприкрытая угроза. Реакция брата Адама была молниеносной.

Как в его руке оказался нож и как именно он нанес удар, Андрей так и не рассмотрел. Нет, потом-то он все вспомнил и разложил по полочкам, но вот в тот момент он буквально ничего не заметил. Просто сработали милицейские рефлексы, помноженные на ежедневные тренировки и длительный боевой опыт.

Ударом обеих рук вперехлест, по кисти, он выбил нож из рук инквизитора, вызвав его болезненный стон. В следующее мгновение он нанес боковой удар ребром ладони по шее, удар ногой под колено – и вот он уже перехватывает упавшего на колени брата Адама за подбородок и затылок, чтобы одним движением сломать тому шею...

– Андрэ!!! Нет!!!

Окрик падре подействовал на Андрея отрезвляюще и успел остановить движение, несущее смерть. Он отпустил своего противника, и тот повалился на пол бесчувственной куклой.

– Ты убил его?

Андрей нащупал артерию на шее поверженного инквизитора и, посмотрев на священника, ответил:

– Пока нет. Но вот убейте меня, не понимаю, почему вы меня остановили и почему я не должен закончить начатое?

– Это я ему все рассказал.

– Это я понял.

– Как ты не понимаешь, без поддержки Церкви нам не остановить вторжения.

– Это-то я понимаю – и именно поэтому все рассказал вам.

– Ты думаешь, что мне под силу одному поднять столь непосильный груз?

– Нет, конечно. Но у вас есть ваши последователи, друзья и соратники.

– Так вот, брат Адам – тот, кому я больше всего доверяю. Тот, кто пытался устроить мой побег из узилища, и не удалось ему это только потому, что я отказался бежать.

– Инквизитор???

– Брат Адам, который с послушничества был рядом со мной. Он не раз пытался образумить меня, но я его не слушал, ибо верил в свою правоту.

Инквизитор зашевелился на полу. Вскоре он сумел сесть и встряхнул головой и, подняв пока еще замутненный взгляд на Андрея, вымученно улыбнулся:

– Да-а, сэр Андрэ, – прохрипел он, – удивили вы меня. Никак не ожидал, что рыцарь и воин будет готов отразить подлый удар убийцы.

– Скажем так, мне повезло, – пожав плечами, ответил Андрей. Не объяснять же ему, что получать подлые удары ему не впервой, да и благородный рыцарь из него – как из свиньи балерина.

– Ну что же, пока согласимся с этим. Кстати, покажете потом мне приемчик, которым обезоружили меня? О-о, дьявол! – Брат Адам попытался подняться и при этом опереться на правую руку, но ее всю прострелила острая боль.

Падре тут же поспешил на помощь пострадавшему и заботливо ощупал руку. Андрей уже знал, что в этом мире весьма успешно боролись с переломами, если только они не вызывали внутреннего кровотечения или не были открытыми. В первом варианте в половине случаев терялась конечность из-за гангрены, во втором дела обстояли так же, как и при ранениях, то есть длительное заживление, а возможно, и заражение ввиду отсутствия элементарных антисептиков. Считалось, что лучшими врачами были именно священнослужители, а потому Андрей не видел причины вмешиваться в процесс оказания первой помощи.

– Хвала Господу, перелома нет, только ушиб. Но поболит еще долго.

– Это как водится, падре, – кряхтя ответил инквизитор. – Так вот, – словно ничего и не произошло, продолжил брат Адам, – сведения, которые вы предоставили падре Патрику, необходимо подтвердить, и лучше будет, если это сделает тот, кто не вызовет сомнения у синода.

– Ну так в чем проблема? – Андрей вновь как заведенный пожал плечами. – Снарядите разведывательный отряд, и дело сделано.

– Не все так просто, сэр Андрэ. – Андрей заметил, что в голосе инквизитора появилось нечто, чего раньше не было, – уважение, что ли. Чем это вызвано – тем, что Андрей взгрел незадачливого убийцу, или тем, что тот зауживал остроту ума собеседника, – было непонятно, но вот что-то такое появилось. – Синод не направит разведывательного отряда хотя бы по той причине, что не поверит в то, что сложившийся вековой порядок вдруг нарушился. Они верят в нерушимость существующего положения дел.

– Хотите моими руками таскать из костра горячие каштаны? Нет. Я не отправлюсь туда и не стану сопровождать вашего человека.

– Вы не хотите доказать вашу правоту?

– Я прав. И мне этого достаточно.

– Пока нас с падре только двое. Но если удастся доставить сведения, то это может изменить отношение к проблеме многих из синода. Да, возможно, это может привести к расколу и, как следствие – к ослаблению позиций Церкви, но зато это пойдет на пользу людям.

– Я повторяю, мне не нужно ни в чем убеждаться. Для себя я уже сделал все выводы. Рисковать собой и своими людьми для того, чтобы доказать очевидное, я не вижу смысла.

– Падре не сомневается в правоте ваших слов, но даже я, безгранично верящий ему, не могу в это поверить полностью. Кто же тогда сможет этому поверить?

– Вы повторяетесь. Мой ответ прежний: нет.

– Да как же...

– Погодите, – подняв руку, прервал инквизитора Новак. – Падре верит мне, но вы поверить не можете. Но с чего вы взяли, что синод поверит тому, кто доставит им эти сведения? Да они не поверили бы даже Папе, вздумай он сказать им об этом. Его тут же сочли бы сумасшедшим, и все это только потому, что сведения могут оказать влияние на существующий порядок.

– Поэтому вы хотите забиться в самый дальний угол от степи, отгородиться от лесных орков и ждать, что все может измениться к лучшему, но без вашего вмешательства?

– Я – не мессия, чтобы решать судьбы людей. Я обычный человек, если хотите, простой солдат. А ваше заявление по поводу безопасного уголка... Простите, но это даже не смешно. Я сегодня половину дня потратил на то, чтобы найти рабочих для того, чтобы поставить в Кроусмарше крепость, и пока не преуспел в этом, а ведь им была обещана тройная плата. Почему? Да потому что все они помнят, чем закончились попытки маркграфа поставить там крепость, и не верят в то, что это получится у новоявленного барона, в одиночку.

– Но ведь на что-то вы надеетесь?

– И вам, и мне доверяет падре, но вы не доверяете мне. Почему я должен доверять вам?

– Потому что вы еще не под арестом и вас не тянут в темницу.

– Это аргумент. Но и вы живы только потому, что вам доверяет падре.

– Вот и поговорили.

– Да уж, поговорили.

Инквизитор нарочито медленно, чтобы рыцарь не дай Господь не подумал ничего плохого, подобрал свой нож и спрятал его в рукаве куртки. Затем так же медленно, но уже по причине боли в руке, надел полушубок, нахлобучил на голову треух и, посмотрев на Андрея, проговорил:

– Мы еще вернемся к этому разговору. – Как ни двусмысленно звучала эта фраза, но Андрей почему-то сразу понял, что второго дна у этих слов нет – просто констатация того, что разговор будет иметь продолжение, и все. Уже в дверях инквизитор остановился и обратился к Андрею: – А все же покажите мне тот прием. Очень эффективно.

– Непременно. Обращайтесь, когда рука перестанет болеть.

– Хорошо. – Инквизитор вышел из кабинета и тихо прикрыл за собой дверь. Вот теперь разговор и вправду был окончен.

Глава 2

Кроусмарш. Заговорщики

Распутица. Дорога была так себе. Не дорога, а одно направление. Среди огромного луга просто выделялась одна полоска, на которой с растительностью было немного похуже, нежели на остальном пространстве, изредка попадались небольшие проплешины голой земли. От снега уже не осталось и следа, ранняя весна быстро предъявляла свои права на эту землю, но влаги было более чем достаточно. Однако наличие растительности ничуть не мешало копытам лошадей довольно глубоко проваливаться в землю, безжалостно втаптывая в мокрую, словно губка, землю траву. Поднимаясь, копыта зачастую вырывали ее с корнями, так как жирный чернозем большими комьями прилипал к ногам животных и облепил их по самые бабки.

Глядя на эту картину, искренне становилось жаль бедных животных, которые с большим трудом несли на себе закованных в доспехи воинов. Несмотря на то что движение было неспешным, шерсть лошадей уже изрядно пропиталась потом. Нечего было и думать посылать их вскачь – это окончательно добило бы животных. Ничего, еще неделька такой погоды – и земля достаточно просохнет, во всяком случае большой караван уже выдвинулся из Новака: там дороги просохли настолько, что по ним можно было уже двигаться, – купеческие караваны, правда, выждут еще минимум с неделю, но у новых поселенцев времени было в обрез.

Ехавший в голове колонны Андрей направил своего коня немного в сторону, пропуская всадников вперед. Высокий гнедой жеребец недовольно всхрапнул, но все же подчинился твердой руке всадника. Этот маневр проделывался уже не впервые, и всякий раз после недолгой остановки и обманчивого роздыха ему вновь приходилось напрягаться, чтобы обогнать колонну и занять свое место во главе.

Андрей остановил коня и окинул взглядом колонну. Девятнадцать всадников – девять из его дружины и десять из дружины маркграфа, – все верхом на замученных лошадях. Впрочем, из людей Андрея только восемь были воинами, девятый был новичком: Брук сумел все же уговорить Андрея взять его с собой в качестве оруженосца. Но после службы на границе он имел право участвовать в этом походе. Для этого сироты дружина Андрея была всей его семьей, Андрей же, сам того не желая, фактически заменил парнишке отца. В середине колонны две крытые повозки запряжены быками: даже хваленые тяжеловозы были не способны в такую распутицу тянуть груженные повозки – такое было под силу только быкам, да и те изрядно вымотались. По сути, отряд мог бы двигаться и немного быстрее, что сократило бы путь как минимум на сутки, но вот эти повозки значительно сдерживали движение.

Когда колонна практически миновала его, от хвоста отделился всадник и приблизился к Андрею, после чего они поехали рядом и немного в стороне.

– Что скажешь, Джеф? Опять будем ночевать в поле?

– Нет, сэра. Как я вам и говорил, к закату будем на месте.

– Что-то этот клятый форт никак не хочет появляться.

– Мы уже не далее как в двух милях от него. Вон на тот урез поднимаемся – и увидим Кроусмарш. Проклятые повозки. Ведь говорили же старики, что весна будет ранней. Нельзя было доставить продовольствие пораньше?

– Продовольствие поступает раз в месяц, вместе со сменяемым десятком.

– Это-то понятно, но есть же еще и практичность. Это – непрактично.

– Возможно, его светлость решил показать мне, что я явно погорячился, берясь за Кроусмарш, или решил дать мне почувствовать, как нелегка доля рыцаря на службе у сюзерена.

– А кто ж его знает, что он там себе решил.

В этот момент Джеф всмотрелся в даль и удовлетворенно улыбнулся. Шедшие передовым дозором двое воинов из отряда Андрея как раз поднялись на урез и, видимо, обнаружили их цель путешествия, так как один из воинов вдруг поднял коня на дыбы и азартно замахал рукой. При этом всадники остались на месте, поджидая остальных. Явный признак того, что все спокойно, просто теперь надобность в передовом дозоре отпала.

– Ну, вот и Кроусмарш.

– Скорее бы уже. Устал как собака.

– Ничего. Сегодня еще отоспимся, а завтра за дело примемся.

– Твоими бы устами да мед пить.

– Что-то вы невеселы. Трудный путь позади. Впереди отдых.

– Вот скажи, Джеф, сколько там воинов?

– Как это сколько? Тридцать.

– И все они – мясо?

– Как бы не так. Не все ветераны, но и явное мясо сюда никто не пошлет. Здесь только полноценные воины, ну и ветераны, конечно, найдутся – в таких гарнизонах без них никак.

– И что, они с удовольствием воспримут то, что ими будет командовать рыцарь без роду, без племени.

– Ну, такой рыцарь ими уже командовал.

– Ричард Рэд был из их среды. Они знали его. Знали, на что он способен. Даже будучи простым воином, он пользовался их уважением, и там наверняка найдется кое-кто, кто помнит его. И тут на смену ему приходит его убийца, да еще поднявшийся из низов.

– Уважением-то он пользовался, это верно, да вот только не любовью. Но я вас понял. Думаете, станут проверять на прочность?

– Уверен в этом.

– Хотелось бы сказать, что это не так, да и вы мне не поверите, и я вас обманывать не хочу. Однако на первый раз можно ограничиться тем, что вызвать к себе старшего десятника. Я узнавал – это мой старый приятель. Да вы его знаете, это Робин, тот самый, что был на постоялом дворе, когда вы дрались с сэром Ричардом.

– Ага, дрался. Скажешь тоже.

– Главное – результат. Так вот Робин держит воинов в ежовых рукавицах. Так что наладите контакт с ним – и дальше все пойдет как по маслу. Да и командовать вам ими только месяц, а там они покинут нас.

– Но останутся мои воины, которые будут свидетелями всего, что тут произойдет. А недели через две подтянутся и остальные, а там не только мои люди, но еще и сотня наемников-арбалетчиков. Нет, Джеф. И вечный бой, покой нам только снится.

– Красиво сказано, сэр. Сами придумали?

– Нет. Это какой-то бард, имени уже не припомню.

Форт выглядел угрюмо и недоброжелательно. Частокол высотой не больше пяти метров из посеревших бревен. Эта унылая картина напомнила Андрею кадры из фильма «Храброе сердце»: такая же унылость и серость, только там укрепление и укреплением-то назвать было нельзя. Здесь же, несмотря на унылость, бревна были хорошо подогнаны друг к другу, практически исключая наличие щелей. Наверху они имели заостренные концы. Вдоль стен шел козырек из тонкого кругляка, покрытого слоем глины вперемешку с соломой, выполняющий своеобразную роль машикулей, предохраняя защитников форта от навесного обстрела. Башни отсутствовали, имелись только две вышки для наблюдателей, также прикрытые от обстрела и дождя, – одна находилась у стены, обращенной к Яне, и вторая – на противоположной стороне.

При подходе отряда створки ворот раздались в стороны, пропуская усталых путников вовнутрь.

Внутри также царили серость и уныние. Вдоль стен расположились постройки, крыши которых одновременно служили и помостом для занятия позиций обороняющимися. Сразу слева от ворот вдоль всей стены располагались постройки складов. Дальше шла конюшня, весьма просторная, надо сказать, для того количества лошадей, что имелось. Сейчас возле нее суетился с десятков воинов, обихаживающих оседланных лошадей, и, судя по всему, подготовка к выходу уже заканчивалась: к седлам крепились переметные сумы и скатки с вещами. Вдоль стены, обращенной к Яне, располагалась казарма, где наверняка тоже не было тесно. Там же имелась еще одна дверь, ближе к углу – по-видимому, это было жилище командира гарнизона. Вдоль другой стены имелся навес, с наклонным козырьком – это был сеновал, а козырек, такой же как и на стенах, должен был предохранять от зажигательных стрел. Справа от ворот имелась кузница. Не сказать что она была большой и хорошо укомплектованной, но для того чтобы подправить вооружение и доспехи, вполне годилась. В форте не было своего кузнеца – не нашлось желающих, но покажите того солдата, который не в состоянии уследить за своей воинской справой, худо-бедно с этим мог совладать каждый. Конечно, не работа мастера, но чтобы продержаться три месяца – вполне. Рядом с кузницей находился навес, под которым имелась поленница, сейчас сильно прореженная, но дров до наступления тепла, судя по всему, хватить должно было. Посредине находился плац, который все же удивил Андрея. Конечно, речь о воинах, и выполнять иную работу, кроме воинской, как бы зазорно, но и месить грязь – тоже удовольствие сомнительное, поэтому двор был посыпан гравием. За годы эта насыпь была хорошо утрамбована, и хотя чистоты асфальта или каменной мостовой обеспечить не могла, но и грязь не разводила. Практично, в общем.

У ворот отряд уже встречали. Отъехав в сторону, чтобы дать возможность остальным попасть в форт, Андрей подал знак Джефу, чтобы тот разбирался с отрядом, а сам спешил перед рыцарем – облаченным в полный доспех и знакомым по давнему происшествию десятником Робинотом. Десятник только бросил короткий взгляд на Джефа и коротко кивнул ему в знак приветствия, тот ответил ему тем же, а сам направился выполнять распоряжение Андрея.

Взгляд рыцаря Новаку не понравился. Тот смотрел на него недовольно, с нескрываемым раздражением.

– Сэр Андрэ?

– Да, это я.

– С прибытием в Кроусмарш.

– Спасибо. И вам не хворать.

– В Кроусмарше есть неписаное правило: всегда вовремя сменять убывающую смену.

– Во-первых, вначале неплохо было бы представиться, сэр. Во-вторых, не понимаю, что вас так расстроило. Сегодня первое апреля, так что я точен.

– Прошу прощения, – все же сбавил обороты рыцарь. – Сэр Эрик барон Арунделл. А что касается опоздания – если вы не заметили, дело к закату.

– Но все еще первое апреля, – упрямо повторил Андрей.

– Это так. Ладно. Не буду вам мешать, – вдруг преобразился барон Арунделл. – Нам еще нужно накрутить как можно большее расстояние, от этого проклятого места.

– Вы уже покидаете форт! – наконец понял суть происходящего у конюшни Андрей.

– Не вижу причин задерживаться здесь.

– Не хочу показаться невеждой, но ответьте, пожалуйста, на один вопрос. Имущество в форте числится за вами?

Судя по реакции барона, вопрос и впрямь был не из приличных. Но Андрей не мог его не задать, так как весь его прошлый опыт службы в войсках говорил о том, что имущество никогда не пропадает в никуда. Даже то, что разворовывается тыловиками, в первую очередь списывается – кто поступает иначе, очень скоро попадает пред светлы очи следователя прокуратуры или попросту выплачивает всю недостачу из своего кармана. Расходы у Андрея и без того были

немалыми, а сколько еще предстояло потратить, одному Богу известно, а потому выкладывать деньги из-за того, что ему было неудобно задавать подобные вопросы, не хотелось.

– Имущество целиком находится в ведении старшего десятника, – барон кивнул на Робина, и тот легким кивком дал понять, что все обстоит именно таким образом.

– Еще раз прошу прощения, я не хотел вас обидеть своим вопросом.

– Ерунда. – Смена настроения у барона Арунделла легко объяснялась его нетерпением убраться отсюда как можно быстрее, и надо заметить, что, судя по всему, последнее обстоятельство его весьма радовало.

– Однако стоит ли выдвигаться на ночь глядя?

– Из такой-то дыры? Да хоть среди ночи. Конечно, неудобно передвигаться ночью, но в то же время абсолютно безопасно. Оркам, этим исчадиям ада, распутица тоже не по вкусу.

– Тогда не буду вас задерживать.

– Прощайте.

Сэр Эрик легко вскочил в седло подведенного здоровенным детиной вороного жеребца и уже из седла задал, как видно, уже давно интересующий его вопрос.

– Сэр Андрэ барон Кроусмарш, – задумчиво проговорил сэр Эрик. – Конечно, это не мое дело, но за каким дьяволом вам понадобилось это баронство?

– Вероятно, захотелось иметь собственный дом, – улыбнувшись, ответил Андрей.

– Не нахожу ваш выбор удачным. Уж извините.

– Ничего. Вы не первый, кто сомневается в моем здравомыслии. Счастливой дороги.

– Благодарю вас. Ну что, дьявол вас побери! Готовы? Тогда в путь!

Вот такая вот интересная смена начальства произошла в этом богом забытом форте. Андрей подозревал, что так смены происходили каждый раз. Но также он знал и то, что этот раз был последним, так как теперь сюда прибыл хозяин. Возможно, он и ошибался, на то воля Господа, но не сомневался – это точно.

– Ну, здравствуй, Робин.

– Здравствуйте, сэр.

– Вижу, что ты меня узнал.

– Узнал. Хотя и мудрено это, сэр.

– Что так?

– Изменились вы сильно, сэр.

– Хочу сразу поставить все точки над «i». Мною был убит сэр Ричард. Это как-то задевает тебя? Только честно.

– А по-другому и не умею. Нет, меня это никоим образом не задевает, сэр.

– А остальных?

– Я за них не ответчик, сэр.

– Ладно, разберемся. Что, проблем по обустройству не возникнет?

– Места предостаточно, казарма просторная, лишняя дюжина топчанов имеется, это сегодня смена так скоро произошла, а обычно отряд прибывает за сутки, но людей разместим, не сомневайтесь, сэр.

– Это хорошо. Робин, мне известно о том, что воины из разных отрядов не больно-то уживаются друг с другом, разъясни своим, что мои люди – не мясо и год прослужили на границе со степью. Я это к тому, что поножовщина мне не нужна.

– Пустое, сэр. Воины прекрасно знают, кто прибыл сегодня, вопросов, конечно, будет много – никто ведь из них в степи не бывал. А горячие головы... Не думаю, что хоть у кого-то возникнет желание задевать людей Джефа Длинного Лука, сэр. – Это заявление немного расстроило Андрея. Во-первых, это были его люди, а не Джефа. Во-вторых, он как бы тоже бывал в степи и даже как бы немного командовал этими самыми воинами, но старший десятник на этом внимания не заострил. Однако виду, что расстроен, Андрей не подал.

– Робин, ты не мог бы выполнить одну мою просьбу? Я, конечно, понимаю разницу в положении, но не мог бы ты не так часто говорить «сэр»? Ну, когда нас не слышат другие. Это немного усложняет общение.

– Я понял, – улыбнувшись, ответил ветеран, и вот эта улыбка Андрею понравилась, открытая и... одобрительная, что ли.

– А сейчас построь всех людей, кроме дозорных на вышках, разумеется.

– Есть, сэр.

В едином строю застыли и старожилы, и на левом фланге те, кто только что прибыл в форт. Все правильно – усталость усталостью, но коли уж поступила команда построить весь личный состав, то так тому и быть, тем более что сказать ему было что и сменному гарнизону, и своим вассалам.

– Итак, – прочистив горло, громко начал Андрей. – Я сэр Андрэ Новак барон Кроусмарш, новый владелец этих земель и волей сэра Свенсона ваш командир до конца апреля сего года. Говорю один раз и повторяться не собираюсь. Воины из числа Йоркской дружины, старшим десятником остается Робин Атчесон. Мои вассалы подчиняются десятнику Джефу Длинному Луку... – Это заявление вызвало глухой ропот, который, впрочем, был не чем иным, как удивлением. Бывало, конечно, что рыцарь прибывал на службу с одним или двумя оруженосцами или воинами из своей дружины, но чтобы вот так приводили сюда целую кучу вассалов – это внове. – Если у других десятников возникают вопросы, обращаются к Джефу, и никак иначе. Далее. Если и дальше продержится такая погода, а это, судя по всему, так и будет, то через две недели сюда придут первые поселенцы. Сразу хочу заметить, что люди они семейные, мало того – с караваном придут и семьи воинов, которые стоят с вами в одном строю. – Новая волна приглушенных разговоров, в которых иногда проскальзывали язвительные замечания по поводу семейных воинов. – Прекратить разговоры! Вы в строю или в таверне на посиделках?

При этих словах Робин, слегка выдвинувшись из строя, осмотрел орлиным взором своих подчиненных, так как шум исходил именно из их рядов, и перешептывания тут же прекратились. Андрея это слегка задело: ведь не его окрик, а строгий взгляд старшего десятника навел порядок в строю, но он решил не подавать пока виду.

– Так вот. Я прекрасно понимаю, что вы обходились без женского внимания по месяцу, а то и по два. Вынужден вас разочаровать: придется обходиться и оставшийся месяц.

– Дак а если они по желанию и даже с радостью?

– Имя?

– Лучник первого десятка первой сотни дружины маркграфа Йоркского Итен Одли, сэр.

Андрей внимательно посмотрел на дерзкого лучника. Высокий, крепкого сложения, впрочем, иных в дружинах и не держали, некрасивое лицо еще больше обезобразивал шрам, тянущийся сверху вниз через всю левую половину лица, теряющийся в окладистой бороде, – не иначе как отметиная, оставленная мечом, однако воину повезло: глаз этот удар пощадил. По виду ему было далеко за тридцать, так что, судя по всему, послужить этот воин успел изрядно. И возраст, и повадки выдавали в нем бывалого ветерана.

– Дисциплинированный воин молчит, когда говорит рыцарь и командир, пока его не спросят. Ты этого не знал? – глухо, не скрывая своего раздражения, проговорил Андрей.

– Прошу прощения, сэр.

– Повторяю, никаких интрижек и любовных потех я не потерплю. Все они являются моими вассалами или вдовами вассалов, за которых я несу ответственность перед Богом и людьми. И крестьяне, и мастеровые, и воины, а также члены их семей. Мне не хотелось бы наказывать вас за то, что вы вдруг решите немного расслабиться.

– Ну а если, скажем, я с серьезными намерениями?

Нет, этому Итену Одли явно хотелось выставиться напоказ или выставить в неблагоприятном свете нового командира. Андрей не обманывал себя и прекрасно понимал, что всему гар-

низону известно, кто он, и то, что он поднялся из низов. Конечно, знали они и о том, что браслеты свои он добыл не в честной схватке с орками, а благодаря чудному оружию, которое изъяла инквизиция. Все это они знали, возможно, и из первых рук, но скорее всего, благодаря обросшим самыми невероятными подробностями слухам. Слышали они и о его службе на границе со степью, но опять-таки что в тех пересудах правда, а что ложь, понять было трудно. А потому сейчас шла элементарная проверка на вшивость. Конечно, ветеран рисковал быть наказанным, да только от того, как сейчас себя поведет Андрей, зависело то, как воспримут его эти воины.

Еще когда он учился в военном училище, его ротный не раз и не два говорил тогда еще будущим офицерам: «Никогда не имейте солдата перед строем. Запомните: на миру и смерть красна. Выводите наглеца из строя и разбирайтесь с ним в канцелярии. Совсем не обязательно бить, достаточно просто лишить его даже молчаливой поддержки товарищей – и тогда он сам станет шелковым. Бывают, правда, экземпляры, ну тут уж как повезет». Эту науку он усвоил хорошо и систематически использовал по ходу службы. Даже будучи участковым, он часто прибегал к этому приему, наблюдая за тем, как сдувались дебоширы, едва оказывавшиеся без поддержки зрителей.

– Итен! – Окрик Робина заставил замолчать дебошира, но его взгляд при этом оставался твердым и вызывающим.

– Отставить, старший десятник! Атчесон, я так понимаю, что та дверь в углу казармы – это мое новое жилище? – обратился Андрей к Робину.

– Так точно, сэр.

– Прекрасно. Одли, выйти из строя!

– Есть, сэр.

Никакого смирения, никакого уважения, только подчинение в силу сложившихся обстоятельств своему командиру. Крепкий орешек. Такие либо никогда не подчинятся до конца, либо становятся верными сподвижниками, если только сумеешь заполучить их уважение. Но стоит такого унижить перед всеми – и получишь лишь вечную проблему.

– Отправляйся к моему жилищу и жди меня там.

– Есть, сэр. – Ни капли сомнения, ни намек на раскаяние, твердый волевой взгляд.

Андрей проводил ветерана внимательным взглядом и легкой ухмылкой, не обещающей ничего хорошего. Этот, похоже, из тех, кого его ротный относил к категории «экземпляр». Ну да глаза боятся, а руки делают. Он вновь осмотрел строй и продолжил:

– Тем не менее вопрос задан. Отвечаю. Все эти люди направляются сюда, чтобы основать здесь поселение. Если кто из вас захочет остаться в Кроусмарше, найдя свое счастье и осчастливив кого-либо из женщин, то я возражать не стану, наоборот, буду только рад. Правда, в том случае, если сэр Свенсон освободит вас от службы. Ну так как, есть желающие поселиться в Кроусмарше?

Вид ступавшихся воинов его немного позабавил, но среди своих вассалов он заметил задорные улыбки. Что и говорить, предложение не из приятных. Орки ни за что не смиряются с возведением сильного укрепления в этом месте, и даже если это удастся, то будет стоить большой крови. Очень большой.

Его люди искренне верили в него и в его счастливую звезду. Ну а риск? Риск в их жизни присутствовал всегда, куда же без него. Гарнизон форта тоже рисковал, но это был все же разумный риск и вполне устоявшееся положение дел. Появление здесь владельца вносило изменения в существующие реалии, а значит, и риск возрастал многократно. В общем, мало приятного, а скорее наоборот.

– Тогда намотайте себе на ус. Если кто-нибудь посмеет хоть взглядом, хоть словом, я уже не говорю о действии, обидеть МОИХ людей, пусть лучше сам повесится, это будет куда проще. Здесь я владелец, и я буду судить негодяя, и суд этот будет скорым и правым. – А вот

в это поверили сразу и безоговорочно. Что-то такое было в голосе новоявленного барона, что заставило их поверить. Знали бы они, насколько оказались правы... – Десятники, командуйте. Атчесон, ко мне. Давай пройдемся по форту, расскажешь, как тут и что, – обратился он к старшему десятнику, когда тот распустил людей. – Ну что, пожалуй, начнем со стены?

– Как скажете, сэр.

Подняться на стену, или, точнее сказать, на кровлю построек, которые, собственно, и выполняли роль помостов, на которых находились обороняющие стены, можно было по четырем широким, так что могли без труда разойтись два человека, лестницам.

Кровля несколько озадачила Андрея, так как была плоской и засыпанной речным мелким гравием. С технологией совмещенных перекрытий он был знаком, но там требовалось немалое количество рубероида и смолы, а вот как они смогли обойтись здесь, ему стало даже интересно, так как по всему выходило, что кровля должна была нещадно протекать.

– Как, кровля-то не протекает?

– Нет. Здесь понижу слой в целый фут утрамбованной глины, а поверх уже, чтобы глину не месить, в полфута насыпан речной песок. Время от времени подправляем, но даже в сезон дождей влагу нормально держит.

Андрей прошелся по поверхности и обратил внимание на то, что мягкий грунт все же доставлял кое-какое неудобство, но в целом – дешево и сердито, а поджечь такую кровлю и вовсе нереально.

Подойдя к стене, обращенной к Яне, Андрей увидел тот самый проход, о котором много слышал. Не зная о том, что это причуда природы, он решил бы, что тот рукотворный. Спуск к реке был словно специально срыт – особо пологим его назвать было нельзя, скорее он был крут. Андрей прикинул, что воин в полном облачении на таком крутом подъеме мог с напряжением всех сил пробежать не больше двух сотен метров, а ведь до конца подъема оставалось еще не меньше ста. В общем, задача не для слабосильных. В ширину этот спуск и у реки, и в верхней точке составлял около трех сотен метров. Получался этакий квадрат, наклоненный к реке. Посредине, на самом верху, и располагался форт, тоже квадрат, со сторонами в тридцать метров, не больше.

При виде этих расстояний Андрея взяло сомнение в том, что кто-то может просочиться в промежутки не более полутора сотен метров, да еще и уйти здесь с добычей. Однако весь прошлый опыт говорил о том, что орки вполне справлялись с этой задачей, поэтому он не стал высказывать своего сомнения. Однако выражение его лица, вероятно, выдало крутившийся на языке вопрос, потому что Робин тут же развеял его сомнения:

– Расстояние, конечно, не впечатляет, и вроде все как на ладони. Да только эти бестии подбирают либо безлунные ночи, либо время до восхода лун, а то и вовсе пасмурную погоду. Маскироваться они мастера, так что не всегда получается их заметить.

– А когда замечаете?

– Обстреливаем со стен, что еще остается.

– Нападать не пытались?

– Никогда. Форт оборонить нас еще хватает, а вот на атаку маловато.

– Так если они с добычей возвращаются, можете ведь и по людям попасть?

– Так лучше уж так, чем в котел к оркам. Мертвых-то они бросают, бывает, кто и раненый остается. Торопятся орки нещадно, когда их обнаруживают, чтобы, значит, из-под обстрела побыстрее выйти. А внизу их всегда лодки уже ждут, так что быстро грузятся и уходят.

– И что, люди никак не пытаются подать вам знак?

– Пытаются, как не пытаться. Пожалуй, большую часть мы благодаря этому и обнаруживаем. Вон видите, уже целый погост. – Атчесон указал на площадку, возвышающуюся над восточным склоном этого странного спуска. Приглядевшись, Андрей рассмотрел вдали мно-

жество крестов над могилами. – Там за эти годы едва два десятка воинов, остальные все бедолаги, которым не повезло, под иными крестами по трое-четверо лежит.

Андрей поднялся на вышку и с ее высоты постарался обозреть окрестности. Однако много увидеть он не смог и отсюда. Вдали, на юго-востоке и юго-западе, были видны темнеющие массивы леса, до которых было, что с одной стороны, что с другой – около десятка километров. Местность же была ровной, словно стол, с редкими пологими скатами невысоких холмов, но и они значительно снижали кругозор. В южном направлении, как, впрочем, и в восточном и в северном, хотя со слов того же Атчесона выходило, что леса доходят с обеих сторон до самого обрывистого берега Яны. Имелись здесь и две речушки, берущие свое начало с Орочьих гор, расположенных в восточной части баронства и прозванных так за то, что именно в этих горах был уничтожен последний оплот орков в этой местности. Одна с плавным, спокойным течением, с шириной русла никак не меньше пятидесяти шагов, под названием Тихая, протекающая с востока на запад и впадающая в Быструю уже на территории Дуврского маркграфства. Вторая – довольно своенравная, хотя и поменьше Тихой, но течение у нее было не в пример более быстрым и даже бурным, – хотя валунов она и не перекачивала, но человеку в стремнине было не удержаться. Свое имя Обрывистая она получила за то, что после непродолжительного бега по горным теснинам и равнине низвергалась водопадом в Яну, с высокого берега.

– А секреты выставлять не пытались?

– Это еще зачем? – вдруг встрепенулся Робин.

– Странный вопрос. Чтобы обнаруживать орков.

– Нет, конечно. Двоих-троих не поставишь, орки враз вырежут, а больше нет возможности. Сэр, я, конечно, понимаю, что, сидючи за стенами, много не охранишь, да только не нами этот порядок заведен, а с теми силами, что в форте, большего и требовать-то нельзя.

– А я и не требую. Я просто хочу понять, что здесь делается. Когда чаще всего орки ходят в набеги?

– Только в сухое время. Под дождем по этому склону слишком трудно, по снегу и вовсе не получится. При такой погоде аккурат через пару недель и начнется круговерть. После зимы они особо часто ходят: застоятся за зиму – вот и лезут, как мухи на мед.

– Понятно. Ладно, пойду обживаться.

Жилище, в котором предстояло некоторое время обитать Андрею, изысками не страдало. Небольшая комнатуха с топчаном, под которым имелся деревянный ящик, видимо, для имущества, столом и парой скамей, как раз под стать этому самому столу. Несколько деревянных шипов, вогнанных между бревнами, используемых, по всей видимости, как вешалки. Полка с немудреной утварью. Небольшое оконце, выходящее во двор, забранное бычьим пузырем. Одна из стен являлась частоколом форта, правда, на славу законопачена: сквозняки – они здоровья не прибавляют. Камин, сложенный из дикого камня, неказистый на вид, но с тягой, судя по всему, все в порядке. Картину завершал земляной пол, ввиду холодного времени года присыпанный уже стоптанным сеном.

В этом помещении уже всю хозяйничал Брук. В камине жарко пылал огонь, источая живительное тепло. Несмотря на то что весь день стояла солнечная погода, к вечеру похолодало, и Андрей успел слегка озябнуть. Подойдя к камину, он протянул руки к огню и с наслаждением потер кисти.

– Брук, там у двери стоит ветеран, пригласи его. А сам пока погуляй. Осмотрись в форте.

– Было бы что здесь осматривать, милорд. И без того все как на ладони. – После того, как он стал официальным владельцем Кроусмарша, его вассалы стали называть его милордом: как ему стало известно, это было напрямую связано с владением землей – безземельного рыцаря, кроме как «сэром», никак иначе и не называли. Сейчас же статус Андрея заметно изменился.

– Брук. После возвращения из степи ты стал слишком высокого о себе мнения. Боевой опыт тебе явно вскружил голову, мой мальчик. Ты забыл, что являешься всего лишь новиком и моим оруженосцем. Опустись на землю и выполняй приказы, как и раньше.

– Простите, милорд. – Лицо парнишки стало пунцовым от охватившего его смущения, глаза тут же стали изучать носки сапог, словно они ни с того ни с сего прохудились.

– Я отдал приказ, – безжалостно продолжил Андрей.

– Есть, милорд. – Мальчишка опрометью бросился к двери.

«А не слишком ли круто забираешь, дружище? Да нет, в самый раз. Эту эйфорию нужно выбивать без всякой жалости. Раз уж он решил стать воином, то самонадеянность ему только навредит, впрочем, как и другим мальчикам. Нужно будет обратить на это внимание Шатуна, не то потеряем пацанов ни за грош. А вот тогда-то твоя вина будет неоспоримой».

Дверь открылась, и на пороге появился Итен. Ветеран изо всех сил старался выглядеть спокойным и уверенным в себе, но все дело в том, что там, на плацу, он особо не напрягался, когда показывал свою невозмутимость и непокорность, а вот здесь все же приходилось прилагать к этому усилия. Великое дело – поддержка товарищей.

Андрей лишний раз убедился в правоте своего ротного. Впрочем, заслуга его заключалась только в том, что он четко указал курсантам на это обстоятельство. Все они прекрасно видели это много раз, взять те же выездные соревнования спортсменов, когда наличие на трибунах достаточно большого количества болельщиков обеспечивало психологическую поддержку, и как правило, это в значительной степени влияло на результат. И, наоборот, отсутствие этой самой поддержки приводило к поражениям, хотя, казалось бы, и навыки, и техника оставались с ними, а поди ж ты. Вот только как это можно использовать на практике, и можно ли вообще это использовать, они, молодые, будущие офицеры, не знали, да в общем-то и не задумывались над этим.

– Сэр, лучник Итен Одли по вашему приказанию прибыл. – Андрею показалось, что голос Итена слегка дрогнул.

– Одли, я вижу, у нас с тобой возникла проблема общения.

– Нет никаких проблем, сэр. – Нет, точно дрогнул.

– Уверен?

– Да, сэр.

– А что же это было? Там, на плацу?

– Просто задал вопрос, сэр.

– Решил ваньку повалять?

– Простите, что, сэр?

– Я говорю, решил простачка из себя построить. Ну-ну. Одли, я не обычный рыцарь, как тебе известно, я вышел из простонародья. Скажи честно, это тебя задевает?

– Нет, сэр.

– Дьявол, Одли, не заставляй меня разочаровываться в тебе. Ладно, поступим иначе. Поговорим с тобой как равный с равным, без чинов, так сказать. Только здесь и только сейчас. Можешь не бояться с моей стороны никаких взысканий. Мое слово дорогого стоит. Так вот, я даю тебе слово, что никаких последствий для тебя этот разговор иметь не будет. Итак, что тебя не устраивает?

– Откровенно, сэр?

– Мне казалось, я только что именно это и сказал. И забудь на время это «сэр». Как равный с равным.

– Ну что ж, – ухмыльнулся ветеран. – Я уже двадцать один год служу в дружине марк-графа. Я знал сэра Ричарда еще с тех пор, когда он был просто Рыжим, но я всегда уважал его, хотя характер у него был тот еще. Но я знал, чего он стоит, и когда Орочья Погибель получил рыцарскую цепь, я знал, что он ее достоин, а потому спокойно принял это и позабыл о том,

что все его называли Рыжим, – для меня он стал сэром Ричардом, хотя имя его я узнал только тогда, когда он стал рыцарем. Но почему я вас должен поставить на одну доску с ним? – Андрей машинально отметил, что ветеран, несмотря на откровенность, обращается к нему на «вы», значит, не все еще потеряно. Но, с другой стороны, по мере того как он говорил, в его голосе вновь появилась уверенность, а вот это было хуже.

– Значит, ты хочешь убедиться в том, что я действительно достоин отдавать тебе команды. Я правильно тебя понимаю?

– Да.

– Тот факт, что я так же, как и сэр Ричард, представил двадцать орочьих браслетов, тебя не устраивает?

– Нет.

– Также тебя не устраивает и то, как я нес службу на границе со степью. Потому что ты лично этого не видел.

– Именно.

– Слушай, Одли, а тебе не кажется, что ты слишком высокого о себе мнения? Несмотря на всю свою показную бравату, ты-то не в состоянии похвастать трофеями, которые рассказали бы о твоих победах. Ты присягал сэру Свенсону, он назначил меня командовать гарнизоном, и этого для тебя должно быть более чем достаточно. Почему я должен что-то тебе доказывать?

– Вы затеяли этот разговор, а могли просто наказать.

Одли вновь улыбнулся и сделал это до того нахально и самодовольно, что Андрей внутренне просто закипел. От той неуверенности, с которой ветеран вошел в комнату, не осталось и следа. Андрей уже больше злился на самого себя. Зачем понадобился этот разговор? Взыграла кровь цивилизованного человека двадцать первого века, захотелось по-хорошему объясниться с непокорным и достучаться до его совести. Черт, да это далеко не всегда срабатывало там, почему должно было сработать здесь? А эти его слова о трофеях – уж больно смахивало на детскую бравату: кто круче. Он вдруг осознал, что совершил ошибку, но давать задний ход было уже поздно.

– Да, я мог тебя просто наказать, и это еще не поздно сделать. Нет, не за то, что ты мне тут наговорил, а за то, что ты наговорил там, на плацу. Но ты не ответил на мой вопрос. Почему я должен что-либо тебе доказывать? Кто ты такой, чтобы я тебе что-то доказывал? – Андрей заметил, что снова скатился до банального спора. Да что же сегодня с ним такое творится-то.

– Я ваш воин. Ну, до конца месяца. – Опять нахальная улыбка.

– Так и веди себя соответственно, дьявол тебя задери, – вспылил Новак.

– Дак я со всем уважением.

Ветеран уже откровенно издевался. Психолог из Андрея был тот еще, плохой, в общем, психолог, и этот тайм он вчистую проиграл. Самое паршивое было то, что он это прекрасно осознавал, но никак не мог найти достойного выхода из сложившейся ситуации, которая все усугублялась и усугублялась с каждым произнесенным им словом. Андрей вдруг почувствовал себя молодым лейтенантом, которому приходится самоутверждаться в своем подразделении, когда солдаты элементарно начинают брать «на слабо». Внешне все вроде пристойно – и «так точно», и «никак нет», и в струнку тянутся, но даже полный профан понимает, что подчиненные просто издеваются над своим командиром.

Помнится, тогда он решил быстро и бесповоротно обзавестись авторитетом у своих бойцов и банально набил морду самому активному из выпендрежников. Результат был плачевным, хотя это и происходило в канцелярии. Солдаты вроде как и притихли, в глаза во всяком случае никто не лез. Да вот только проученный солдат надолго стал героем среди сослуживцев. Андрей потом целых полтора года приводил подразделение в порядок и в конце концов добился уважения подчиненных, но только не панибратскими отношениями и не мордобоем, а планомерной работой с личным составом, сделав упор в основном на то, что он всегда держит

свое слово: если обещал поощрить, то поощрял, если обещал наказать, то наказывал. И всегда у него это как-то получалось адекватно. Немаловажным было и то, что, хотя он сам снимал семь шкур со своих бойцов, никому другому трогать их не позволял. Его принцип был прост: есть вопросы к солдату – значит, есть вопросы к нему, а уж как поступить с солдатом, он решит сам.

Как он мог наступить на те же грабли, что и много лет назад, он не знал. Осталось только набить морду этому Одли – и ситуация будет один в один. Вот только полутора лет у него нет, да и Итен тертый калач – кабы отдачей не зашибло: то-то пойдет на пользу авторитету командира.

«Нет, ну молодец. Пацана, значит, резко поставил на место, а с этим развел политес. И вот результат. А нужно было как раз наоборот. Вот что теперь делать с этим Одли? Хоть живым не выпускай отсюда, и то на авторитет повлияет меньше. Додумался же: как равный с равным. Идиот. Стоп. Сегодня ты уже достаточно накуролесил. Дальше будет только хуже. Ну что же, создали проблему, теперь будем ее героически преодолевать. Но не сейчас».

– Лучник Одли.

– Я, сэр, – тут же подобрался тот, безошибочно определив, что разговор без чинов закончился.

– Я советую тебе пересмотреть свое поведение. Я далеко не всегда добр. Можешь идти.

– Есть, сэр.

Одли четко повернулся и вышел из жилища командира. Во дворе было уже темно и весьма прохладно, да чего уж там – щеки кольнуло легким морозцем, что явно указывало на то, что завтра будет ясный день, а утро начнется с мерзкого инея, пришедшего на смену снегу, – последнее, так сказать, прощай уходящей зимы. Он автоматически взглянул на небо, обильно засыпанное холодными звездами, вот только света они давали совсем мало, а до восхода лун было еще несколько часов. Пробриваться впотьмах – то еще удовольствие, факелов в форте ночью не зажигали никогда: полезная привычка на границе с орками, учитывая малочисленность гарнизона, но он нес вахту в Кроусмарше далеко не в первый раз, да и безвылазно уже два месяца, а за многие годы здесь ничего не менялось.

Почему-то подумалось о том, что последний месяц службы в этом гиблом месте будет непростым. Этот новоявленный рыцарь решил притащить сюда целую прорву народу, а это не понравится оркам. Очень не понравится. Но потом он улыбнулся. А чего, собственно, такого произошло? Он бывал в стольких переделках, что никаких пальцев не хватит пересчитать, – и ничего. Бог даст и сейчас вывернется, к тому же есть шанс обзавестись еще парой-тройкой браслетов. Что бы там ни говорил этот сэр Андрэ, а у него уже был десяток таких безделушек. Другое дело, что он не знал, как ими распорядиться. Конечно, можно стремиться к рыцарской цепи, но его вполне устраивало его нынешнее положение – лучший лучник, как-никак.

Так размышляя, он прошел к казарме. Окинув взглядом просторное помещение, он слегка скривился. Эту казарму никак нельзя было сравнить с казармой в Йорке, ну да перебеждать три месяца раз в пару лет вполне подойдет. Бревчатые закопченные стены, топчаны, поставленные хотя и в ряды, но просторно, посредине большой стол со скамьями, небольшие оконца, затянутые бычьими пузырями, которые сейчас не давали никакого света, да все тот же земляной пол, присыпанный свежим пахучим сеном.

Сейчас в казарме стоял легкий гомон. Вновь прибывшие устраивались на жите. Старожилы занимались кто чем, примерно с десяток расположились за столом, развлекаясь игрой в кости и с нетерпением поглядывая в сторону новичков. Не стоило сомневаться в том, что, как только те закончат обустроиваться, с них тут же потребуют своеобразную плату. С развлечениями в этой глухомани было не то что плохо, а вообще никак, – а тут такая удача, новые люди, да еще и отслужившие на границе со степью, и насколько было известно, отслужившие с честью и чем-то там сильно прославились. Конечно, слухи ходили разные, но одно дело слухи, и совсем другое – узнать все из первых рук. Нет, конечно, и эти что-то приукрасят и переврут, а иначе солдатские байки и не рассказываются, но все одно врак будет не в пример меньше.

– О! А вот и Итен! – заметил его появление один из ветеранов. Видно, чтобы протянуть время, парни на завтрак решили послушать своего товарища, успевшего пообщаться с новым командиром.

– И как оно, общение с сэром Андрэ? – поддержал второй ветеран.

– Да ничего так. Пообщались. Как равный с равным, – хмыкнув, вальяжно ответил Одли.

– А это как? – не унимался первый, требуя подробностей.

– Да так, как я и сказал. Говорю же, как равный с равным. На «ты» и без всяких там «сэров».

– Ну и как он? – поддержал второй.

– Да нормальный мужик. Бог даст...

– Сэр Андрэ тебе не мужик. – Все присутствующие тут же обернулись на угрожающе прозвучавший голос со стороны обустроивающихся вассалов нового коменданта форта. Увиденное их впечатлило. На эту гору мускулов нельзя было не обратить внимания. Что и говорить, Яков производил впечатление.

– Это он для тебя сэр рыцарь и сюзерен, а для меня – дак просто выскочка. Мы еще поглядим, чего он стоит...

– Как ты назвал сэра Андрэ?

Несмотря на вкрадчивый тон, слова Якова звучали угрожающе. Однако Итен не зря считался ветераном, да и был таковым по праву. Было дело, ему пришлось однажды сойтись с одним из лесовиков в рукопашной без оружия – браслет этого орка сейчас пополнял коллекцию Одли. Так что габариты гиганта на него не произвели особого впечатления, как и угроза, сквозившая в каждом его слове и движении.

– Яков, остынь. – Джеф произнес это спокойно, не напрягая голосовых связок, но сказанное все же остановило бывшего каменотеса. Сжав кулаки в бессильной ярости, он не сводил горящего взгляда с наглеца, посмеявшегося поносить его сюзерена.

– Господин десятник, он...

– Я слышал, что он сказал. Остынь.

– Слушайся совета старших, Яков, – вновь ухмыльнувшись, продолжал злить его Одли.

– Итен. – Джеф по-прежнему говорил, сохраняя спокойствие и не повышая голоса. – Я видел, как сэр Андрэ снес черепушку сэру Ричарду. Должен признать, что тут ему преизрядно повезло, или Господь не попустил, это уж как кому. Но я видел и то, как он разделался с Ури Двурюким. Потом я, как и сотни жителей Йорка, видел, как он бился с сэром Аткинсом. Затем я наблюдал, как он сражался с орками в степи, – и по сей день в пограничье ходят о нем легенды. Он всегда с уважением относился к ветеранам, как он говорит: ветераны достойны уважения уже только за то, что они остались живы, а значит, они хорошие воины. Ты вел себя как дурак, но он проявил к тебе уважение и не стал наказывать, хотя мог призвать к ответу. Он мог воспользоваться правами коменданта, он мог вызвать тебя на поединок, и я не поставил бы на тебя, хотя и знаю, чего ты стоишь. Но он проявил к тебе уважение, а ты продолжаешь вести себя как дурак. – Джеф хорошо знал Итена, он знал его еще восторженным юнцом, впервые перешагнувшим двор Йоркского замка, мало того – он был дружен с ним, как и с Робинем. Эта троица прошла через многое, и их дружба была сцементирована временем и тяготами воинских походов. Правда, каждый раз ему и Робину приходилось остужать горячий нрав друга. Вот и сейчас Джеф решил остудить Итена. – Сэр Андрэ не должен тебе ничего доказывать. Ни тебе, ни кому-то другому.

– Он не из благородных.

– Ну и что? Я видел многих благородных, которые не достойны ни своего благородного рождения, ни рыцарского звания. Запомни ты и все остальные. Вы можете ненавидеть сэра Андрэ, вы можете его презирать и считать недостойным рыцарской цепи, но только молча. Каждый его приказ вы будете выполнять не прекословя.

– Ты нам не начальник. – Итен бросил это с нескрываемым раздражением. Он уважал Джефа, но его злило то, что тот предпочел какого-то выскочку старому другу.

– Нет. Вам – нет, – с ледяным спокойствием продолжил Джеф. – Но я убью любого, кто решит, что сэр Андрэ ему не начальник.

Одли был дерзок, несдержан, иной раз неуправляем, но дураком не был никогда. Спокойный тон и ровный голос Джефа его не обманули, впрочем, как не обманули и никого другого в казарме: десятник выполнил бы свою угрозу не задумываясь. Чего же стоит Джеф Длинный Лук, знали все присутствующие здесь. Но главное, что остановило Итена, – это страх потерять друга: они не раз и не два спорили, иной раз это бывало и при посторонних, но вскоре все возвращалось на круги своя, – и что-то говорило Одли о том, что эта его выходка могла стоить старой дружбы. Терять друга из-за какого-то выскочки? Да ни за что. Он понял, что зарвался, и решил дать заднюю, – что о нем подумают остальные, ему было плевать. Впрочем, что они могли подумать? Друзья на то и друзья, чтобы самим разобраться в своих отношениях.

– Как скажешь, Джеф, – добродушно улыбнувшись, сдал назад Одли, примирительно выставив вперед руки.

– Все нагоняешь страху на всех вокруг, Джеф? – Бодрый голос, прозвучавший от двери, принадлежал старшему десятнику.

Их взгляды встретились. Несмотря на бодрый и даже где-то добродушный тон Робина, взгляд его был серьезным и жестким. Не стоило быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что он не даст своих людей в обиду. Усугублять возникший конфликт в планы Джефа никак не входило.

– Да вот, Робин, вышел небольшой спор.

– Небольшой – это хорошо. Разместились?

– Да.

– Сэр Андрэ выделил бочонок вина, чтобы отметить знакомство. – Это заявление было воспринято всеми воодушевленным гомоном. – Но-но, не расслабляться. Бочонок тоже небольшой. Только по две кружки на брата. Бражничать будем в Йорке.

– Да хоть по одной – все не на сухую, – бодро подхватил первый ветеран.

– Ну, значит, ты получишь одну.

– Это почему же?

– Ты же сам сказал, что будешь рад и одной.

– Буду, – не стал отрицать ветеран, – но и от второй не откажусь.

Грохнувшие дружным хохотом воины дали понять, что напряженный момент миновал. А появление Брука с бочонком было встречено всеобщим восхищенным ревом, хотя тот и впрямь оказался маленьким.

– Итен, остынь.

Друзья втроем вышли во двор, оставив остальных вести беседу за чаркой вина. Сейчас старожилы Кроусмарша заседали на новичков, слушая их рассказы о границе со степью, и во дворе никого не было. Впрочем, здесь не принято было бродить по ночам.

– Роб...

– Я сказал, остынь. Ты никогда не задумывался, почему ты не десятник, хотя и лучший лучник?

– Ну и что? Джеф тоже никогда не был десятником.

– Потому что никогда не хотел быть им, – проговорил Джеф.

– Вот и я не хочу.

– Не хочешь, – согласился Робин, – но Джеф всегда получал жалованье десятника. А ты? Вот то-то и оно. Помнишь, на том постоялом дворе я отговаривал Рыжего от поединка с сэром Андрэ? Помнишь, что я ему тогда сказал?

– Что он опасен.

– И тогда он был простым неумехой. За это время многое изменилось, изменился и сам сэра Андрэ, но он по-прежнему опасен. Есть в нем какая-то сила, которая выглядывает изнутри.

– Мне стоит бояться?

– Нет, – вмешался Джеф. – Бояться его не следует, но и злить тоже не стоит. К тому же он справедлив и готов умереть за своих людей.

– Ты изменил клятве сэру Свенсону? – с иронией спросил Одли.

– Нет, Итен. Я никогда не изменял клятвам. Перед сэром Свенсоном я чист. Я отслужил свое, и отслужил честно. Я никогда не давал ему вассальной клятвы.

– А как же наша клятва о дружбе? – обиженным тоном решил поддеть друга Одли, напоминая о происшедшем в казарме.

– Дурак ты, Итен. Не останови я тебя – и там началась бы поножовщина. Все эти войны слишком хорошо знают своего сюзерена и готовы за него рвать глотки хоть руками, хоть зубами, а придется – так и отдать жизнь. Вот и подумай, стоит ли поносить человека, который за короткий срок сумел заполучить такую любовь.

– Ладно, парни. Конечно, сэра Андрэ я не уважал, и он как был, так и есть для меня пустой звук, но вас я и уважаю, и люблю. Надо подчиняться и не бухтеть – значит, буду, чтобы хотя бы у вас проблем не было. Надо помочь приструнить остальных – я всегда и весь ваш, но знайте: это только ради вас, а на него плевать.

– А что скажут другие, если ты вдруг изменишься? – с хитрецей спросил Джеф.

– А плевать. Главное, что вы знаете.

– Вот это другое дело, – удовлетворенно крикнул Атчесон. – Ладно, пошли, а то никто и не вспомнит, что мы по одной кружке только опрокинули. Да и байки послушать интересно.

– Ты думаешь, ему стоит верить, сын мой?

– Во всяком случае, на лжи я его не поймал. Правда, вызывает сомнения то, что он говорил о храме в орочьей столице, да и в то, что Закурту удалось подчинить все государства, честно говоря, верится с трудом.

– Но если это так, то степь больше не сможет служить достаточной преградой.

– Именно поэтому я пока и не рекомендовал его устранение.

– А если точнее, то утаил информацию о нем от Совета ордена. Впрочем, это одно и то же. Как только об этом узнает Совет, то сэру Андрэ тут же будет вынесен приговор. Он это понимает, а вот падре Патрик, похоже, все еще витает в облаках.

– Он верит мне.

– Ничто не вечно, и преданность тоже. – При этих словах брат Адам потупился, словно был в чем-то повинен, впрочем, так оно, по сути, и было – вот только то, что иные могли поставить в вину, другие считали исполнением долга, сам он считал так же, и лишь упоминание об этом почему-то вызывало чувство вины. Возможно, именно по этой причине он в свое время и пытался спасти жизнь того, кто считал его одним из лучших своих учеников, хотя было абсолютно непонятно, как можно было спастись на столь ограниченной территории от преследования инквизиции. – Сын мой, ты напрасно испытываешь чувство вины: ты просто выполнил свой долг. Ты пробовал проверить информацию?

– Да, ваше высокопреосвященство. Однако не преуспел в этом. Ни под каким видом мне не удалось выведать ничего, что не было бы известно ордену. Самое слабое звено в этой цепи – новики, которые сопровождали отряд сэра Андрэ во всех походах, но они практически все время находятся под присмотром наставников. В общем, я имею только то, что поведал мне падре Патрик и сам сэра Андрэ.

Архиепископ Йоркский ордена Святой инквизиции его высокопреосвященство Игнатий добродушно улыбнулся брату Адаму. Одного взгляда на этого статного мужчину в инквизиторском облачении было достаточно, чтобы понять, что это человек умный и целеустремлен-

ный. Его цепкий взгляд был взглядом человека, умудренного опытом. Лицо и повадки больше подходили для воина, но не для поборника веры. Будь сейчас здесь Андрей, в этом архиепископе он без труда узнал бы того самого инквизитора, который присутствовал на Божьем суде в числе представителей трибунала.

– Да-а, падре Патрика в свое время было куда проще подловить, чем этого рыцаря. Но он не так умен, как кажется. Архиепископ Баттер сообщил мне, что у этого самого сэра Андрэ имеется какое-то новое оружие, о котором сообщал падре Томас незадолго до своей кончины. Правда, там говорится о том, что это оружие якобы создал один германский кузнец, но это достоверно установить не удалось: поселение подверглось нападению орков. Но архиепископа насторожило то, что это оружие уж очень похоже на то, которое сэр Андрэ якобы вынес с орочьей стороны.

– Но то оружие было признано творением сатаны? Почему же...

Брат Адам осекся, так как архиепископ ни с того ни с сего вдруг подошел к секретеру, который, впрочем, не имел ничего общего с его коллегами земного Средневековья. Никакой вычурности, богатой резьбы. Гладко полированное дерево, покрытое прозрачным лаком, но даже эта простота делала изделие заслуживающим внимания. Работа настоящего мастера видна всегда: подгонка планок, выверенные зазоры выдвижных ящиков, удобная для письма рабочая поверхность – все указывало на мастерство изготовителя и его любовь к своему труду. На столешнице сейчас лежала небольшая стопка писчей бумаги, стояла чернильница, в деревянном стаканчике находилось около полудюжины очиненных перьев. Как видно, перед приходом дознавателя архиепископ работал.

Он взял один из листов бумаги и, сложив пополам, разорвал его на две равные части. После этого из одной половины он сноровисто скатал трубку, а от второй половины, о боже, оторвал небольшой кусок зубами и стал быстро его жевать. Наконец покатав во рту получившуюся массу, он удовлетворенно кивнул своим мыслям, а затем, быстро поднеся трубку ко рту, с силой дунул в нее. Влажный шлепок на лбу не причинил особых неудобств брату Адаму, хотя и приятным его назвать было нельзя. Он машинально отер лоб и наткнулся на влажную блямбу жеваной бумаги.

– Не обижайся сын мой. – Брат Адам мог поклясться, что улыбка архиепископа сейчас была по-настоящему озорной и добродушной, никакой игры. – Когда я еще мальчишкой учился в духовной семинарии, мы так развлекались. Ох и доставалось же нам от отца настоятеля: бумага-то дорогая, а мы, проказники, изводили ее на всякие шалости.

– Простите...

– Нет-нет. Хотя я с удовольствием припомнил свое детство, тебе я это показал неспроста. Принцип у того оружия, что оказалось у сэра Андрэ, которое сумел воссоздать его кузнец, и вот этой трубки – один и тот же. Детские луки и луки боевые тоже похожи, но кто будет их сравнивать? В том оружии германский кузнец... Ну, пока у нас нет сведений, которые могли бы опровергнуть его причастность к созданию этого оружия. Хотя этот Грэг уж больно быстро разобрался в его изготовлении... Кузнец использовал тот же воздух, который выплевывает кусок бумаги из этой трубки. Вот только плюется это оружие свинцом и дует с такой силой, какой ни за что не добиться силами легких. Никакого грома, пламени, дыма и едкой вони преисподней, только воздух и хлопок не сильнее хлопка арбалетной тетивы. В этом оружии нет никакого сатанизма, хотя оно и похоже внешне, но ведь и сатана когда-то был ангелом.

– Но я не смог установить наличие этого оружия.

– Все верно. Сей рыцарь решил воспользоваться тем, что об этом оружии ничего не известно, и решил сохранить его в тайне. Вот только падре Томас написал об этом своему архиепископу, правда, его последнее послание по нелепой случайности затерялось среди других бумаг и слишком поздно попало к его высокопреосвященству Баттеру. Покойный сообщал, что сила у этого оружия просто ошеломляющая, никакой арбалет не способен сравниться с ним по

силе, разве только громоздкий и неуклюжий крепостной, но по скорострельности не угонится даже лук. Мы подумывали провести в этом направлении следствие, но тут поступили сведения от тебя, об изменениях в орочьих государствах. Возможно, это оружие нам еще и понадобится, но только пока это не подлежит огласке. Об этом знают люди сэра Андрэ, но они будут хранить молчание, архиепископ Саутгемптонский, его секретарь, я и ты. Продолжать нужно?

– Я буду нем как рыба.

– Мы поняли друг друга. Итак, склонить сэра Андрэ к разведывательному рейду не удалось. Но нам необходимы сведения. Ты ведь у нас специалист по тайному дознанию, не так ли, сын мой?

– Да, ваше высокопреосвященство, – у Адама вдруг повлажнели ладони, что было явным свидетельством сильного душевного волнения. На неприятности у него был просто собачий нюх, и сейчас все его существо вопило о том, что его ждут большие неприятности.

– Ты отправишься в Саутгемптон, где закупишь пару повозок и товар, – вот список того, что пользуется спросом в пограничных крепостях. У казначея получишь две сотни золотых. – При этих словах на лице дознавателя отразилось удивление. Что и говорить, сумма была огромной, и ее собиралось ему выдать казначейство ордена, а ведь Церковь всячески показывала свою аскетичность, но, оказывается, могла оперировать немалыми средствами. – Ты купишь товар, наймешь охрану и отправишься в торговое предприятие, но сделаешь все возможное, чтобы орки захватили вас. Не скупись, товар должен быть по-настоящему хорош, а улов у орков – богатым. Ты должен будешь попасть в плен к этим дикарям, попасть в Империю, собрать необходимые сведения и... вернуться. Тебя будут ожидать в пограничных крепостях маркграфства Саутгемптонского: тамошние священники будут извещены. Я буду ожидать твоего возвращения не позднее начала осени. Твой жизненный путь был весьма тернист, ты не неженка и вполне способен вывернуться из неволи и вернуться, я верю в тебя. И помни: ты – наша единственная надежда, доставь необходимые нам сведения.

– Я все сделаю, ваше высокопреосвященство.

Ха! А что он еще мог сказать. Попробовал бы не согласиться. Да у него попросту не было иного выхода. Сбежать? А куда? Анклав людей не так уж и велик, чтобы рано или поздно его не нашли, и тогда итог только один – смерть, хорошо если быстрая. Отправляясь же в Закурт, он имел хотя бы шанс выжить.

– Отправляйся, и пусть Господь хранит тебя, сын мой.

Дверь за дознавателем едва закрылась, как одна из панелей отошла в сторону, и из расположенной за ней потайной комнаты в кабинет ступил монах в самом обычном монашеском балахоне. Сейчас капюшон был отброшен, а потому не скрывал его, отличавшегося просто болезненной худобой и нездоровым цветом кожи – казалось, она обтягивает череп, четко очерчивая его контуры. Будь здесь Андрей, он узнал бы и этого человека – ведь именно он председательствовал на том трибунале, перед которым ему пришлось предстать.

– Вы все слышали, ваше высокопреосвященство.

– Игнатий, нельзя ли без официоза? Мало того что мы знаем друг друга со времен учебы в духовной семинарии, так вдобавок мы еще и одни.

– Ну, так ты все слышал, Баттер?

– Разумеется, все. Но стоило ли рассказывать ему о новом оружии? Может статься, что оно нам еще понадобится, а сведения просочатся к врагу.

– Эти сведения уже просочились благодаря самому сэру Андрэ, который отпустил того орка. Вот только в Закурте наверняка знают о нашем ордене и о том, что все новое у нас подвергается крайнему сомнению. Если брата Адама допросят с пристрастием и выкачают из него то, что он знает, то их император будет знать, что это оружие получит распространение, и, возможно, это несколько охладит его пыл, а мы получим неплохой шанс оттянуть начало похода на нас. Так что все к лучшему.

– Да, пожалуй, ты прав.

– Только вот боюсь, что мы сильно рискуем, посылая одного человека. Слишком высока вероятность того, что он не вернется, – задумчиво произнес архиепископ Игнатий. – При всей очевидности этого, подобное поручение я доверить больше никому не могу. В моей епархии нет информированных о существовании орочьих государств, которых бы я мог задействовать, брат Адам – и тот узнал совершенно случайно, от падре Патрика. Я счел за благо ввести его в курс дела и подробно информировал его обо всем, что известно Церкви. Я хотел задействовать сэра Андрэ, но, как видишь, не преуспел в этом. – Он поспешил поднять руку, останавливая готовое сорваться с языка собеседника замечание. – Заставить его, конечно, можно, для этого есть множество возможностей, но тогда придется обозначить в этом нашу заинтересованность, а вот это уже лишнее. Надеюсь, ты не станешь возражать против того, что о нашей роли в этом лучше не распространяться.

– Да, об этом я не подумал, – согласился с ответом на невысказанный вопрос Баттер. – Но и складывать все яйца в одну корзину тоже не годится. Я предполагал нечто подобное. Но хотя в моей епархии о существовании этих государств и известно многим, подобное поручение я могу доверить далеко не каждому: риск слишком велик. Но двоих я нашел. Один из них уже пропал без вести, второй ожидает удобного момента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.